

КАРМАНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Игорь Москвин

**НАХОДКА
НА СТАНЦИИ
СТРЕЛЬНА**

Следствие ведет Иван Путилин

Игорь Москвин

Находка на станции Стрельна

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

Москвин И. В.

Находка на станции Стрельна / И. В. Москвин — ИД «Флюид ФриФлай», 2020 — (Следствие ведет Иван Путилин)

ISBN 978-5-907220-22-5

Главный герой книги не нуждается в особом представлении, это гений российского сыска Иван Дмитриевич Путилин. Действие происходит в семидесятые годы XIX века. Только-только зародившаяся в Петербурге сыскная полиция делает первые шаги, еще нет никаких технических средств, и вместе с тем герои виртуозно распутывают самые таинственные дела, раскрывая самые загадочные преступления.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-907220-22-5

© Москвин И. В., 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Находка на станции Стрельна	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	34
Глава восьмая	38
Глава девятая	42
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Москвин

Находка на станции Стрельна (Следствие ведет Иван Путилин)

В книге использованы иллюстрации Джона Р. Нейлла (1877–1943)

Москвин Игорь

Находка на станции Стрельна. – М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. – 400 с.

Главный герой книги не нуждается в особом представлении, это гений российского сыска Иван Дмитриевич Путилин.

Действие происходит в семидесятые годы XIX века. Только-только зародившаяся в Петербурге сыскная полиция делает первые шаги, еще нет никаких технических средств, и вместе с тем герои виртуозно распутывают самые таинственные дела, раскрывая самые загадочные преступления.

© ИД «Городец-Флюид», 2020

© Москвин И., 2020

Находка на станции Стрельна

Роман

Глава первая

Сыскные заботы

Апрель с первых дней удивил теплой погодой, давно не помнили старожилы, чтобы зима сдавалась без боя, уступая весне свое снежное и морозное царство. Солнце начало баловать землю ласковыми лучами, и за последнюю неделю на небе не появилось не то чтобы темной тучки, а простого белого облачка.

Ивана Дмитриевича Путилина, начальника сыскного отделения, соизволил вызвать пред свои светлы очи градоначальник генерал-адъютант Федор Федорович Трепов. Благо идти далеко не пришлось, находились на одной улице. У подъезда хозяина города всегда стоял при-
вратник в шитом золотыми узорами черном камзоле. Перед сыскным же прохаживался при-
ставленный полицейский, словно отбывал повинность.

В приемной комнате было на удивление пусто, в одиночестве скучал адъютант градоначальника поручик Степанцов. Высокий стройный человек с маленькими усиками на холеном лице и с застенчивой, почти детской улыбкой. Хотя кто близко знал молодого офицера, ска-
зал бы, что это пример того, как бывает обманчива внешность. Жесткий, требовательный не

только к окружающим, но в первую очередь к себе. Именно этим качеством он привлек внимание Федора Федоровича.

Поручик поднялся из-за стола и по привычке оправил китель:

– Иван Дмитриевич, я доложу его превосходительству о вашем приходе.

Путилина никогда не нравились неожиданные вызовы к вышестоящему начальству, при этом у него всякий раз появлялось ощущение вины, словно мальчишка залез ложкой в банку с вареньем, все, казалось бы, убрал, а вот с губ стереть не догадался.

– Прошу, – поручик распахнул перед Иваном Дмитриевичем дверь.

Федор Федорович сидел за столом зеленого сукна, из окон падали яркие лучи солнца, проходя сквозь стекла косыми колоннами, упирались в пол, натертый до зеркального блеска. Градоначальник и усами, и прической, и, самое главное, статью походил на здравствующего ныне монарха, портрет которого с четырехаршинной высоты взирал недобрым взглядом на вызванного начальника сыскной полиции.

– Добрый день, господин Путилин! – ответил на приветствие Трепов, посмотрев на Ивана Дмитриевича из-под густых бровей. Взгляд и обращение по фамилии не предвещали ничего хорошего. – Присаживайтесь, – он даже не указал рукой на стул, как делал ранее.

Усталым движением Федор Федорович провел рукой по усам, словно собирался с мыслями, нахмурил брови.

Путилин смотрел на градоначальника, а у самого мелькнула шальная мысль, какая порой посещала его в такие грозные минуты – внебрачный ли сын Трепов германского императора Вильгельма или это простые досужие домыслы горожан?

– Иван Дмитриевич, – тон градоначальника сменился и стал не таким металлическим, – я вызвал вас в связи с тем, что сыскное отделение зарекомендовало себя исключительно с хорошей стороны. Государь вами доволен и просил передать свою просьбу, – генерал-адъютант посмотрел внимательно на Путилина, – чтобы вы оказывали помощь губернским властям в запутанных и сложных делах. Да, – Федор Федорович вновь провел рукой по усам, словно хотел удостовериться, не исчезли ли они с лица, – понимаю, что отделение мало, но в губернии не так часто, слава богу, происходят тяжкие преступления, к расследованию которых можно привлечь агентов отделения. Вы уже читали циркуляр господина Тимашева по этому поводу?

– Да, ваше превосходительство, в отделении не хватает людей...

– Знаю, знаю, – махнул рукой Трепов, – но пока нет возможности увеличить ваш штат.

– Я...

– Иван Дмитриевич, это просьба государя, и теперь, когда сыскная полиция показала, что хорошо справляется с возложенными обязанностями по охране державы от преступников, его императорское величество рассматривает проект об учреждении таких же отделений в крупных городах империи, прежде всего в Москве, Киеве, Варшаве.

– Это...

– Не смею больше вас задерживать, – столь стремительная аудиенция подошла к концу.

Путилин поднялся, кивнул и пошел к выходу. Он был зол в первую очередь на себя – людей и так не хватает, а губернские власти только того и ждут, чтобы ответственность за неумелые действия в расследовании нес кто-то другой. Типично российская черта, как за почестями, так всех локотками расталкивать. Как делом заняться, ан, смотришь, рядом уже никого нет, разбежались, аки мыши по норам.

Мог бы либо депешей, либо циркуляром известить, чертыхался Иван Дмитриевич, только время потеряно, да бог с ним. Остановился на улице, до двери в отделение десятка два шагов, но шел он медленно, гадая, когда же первая ласточка прилетит из губернии. Дел хватает, город растет. Уже дома строят за Обводным. А сыскная полиция как была в составе двадцати четырех душ, так и осталась. Приходится порой поступать как приставы, отправлять обратно дела, иначе можно утонуть в бумагах.

Иван Дмитриевич стоял на улице, потом направился к зданию Адмиралтейской части, где располагалось сыскное отделение. Перешел Гороховую, по которой катили экипажи, кареты, спешили люди, кто следовал к Исаакиевской площади, кто к Красному мосту. Тут кипела жизнь, шум ни на миг не затихал.

Путилин поднялся в кабинет, расположенный на втором этаже, взглянул на часы, купеческий подарок, немой укором стоявший в углу. Их пришлось принять в виде дара...

Шел третий час пополудни.

Начальник сыскного отделения только сейчас вспомнил, что после визита к градоначальнику хотел зайти в ресторацию господина Дюссо. Возвращаться не хотелось, аппетит был испорчен просьбою государя. Не знаешь, как в столице со всеми преступлениями справляться, а здесь добавлена целая губерния. Хотя в ней не так много совершается злодеяний, но неприятное чувство подкатило, словно ком в желудке, когда съешь кусок жирного мяса. Иван Дмитриевич поморщился и погладил под ребрами правую сторону живота, иной раз невозможно было терпеть. Постоял у окна, боль вроде бы отпустила.

Когда голова занята мыслями и текущими делами, некогда обращать на себя внимание. Оставляешь на потом. Завершится очередное расследование, можно собой заняться. Но появляется новое дело, и опять некогда уделить время собственной персоне. Так и бегут дни за днями.

В очередной раз пришла мысль о покое.

В наступившем году исполнится двадцать пять лет как на службе. Смешно вспомнить, как радовался месту писаря как манне небесной, ведь никакого образования не было. Хорошо, что старший брат поспособствовал, иначе неизвестно, в какую сторону увела бы судьба. Поморщился, боль хоть и отпустила, но, подлая, нет-нет, кольнет так, что дух захватывает.

Год – большой срок, вытерпеть бы, и в Баден-Баден съездить. Там, говорят, климат подходящий, воды для желудка полезны. Подлечиться бы с полгода, а там...

Далее загадывать не хотелось.

* * *

В шестом часу утра дежурному чиновнику сыскного отделения полиции была принесена телеграмма со станции Стрельна. После прочтения на квартиру Ивана Дмитриевича Путилина был отправлен посыльный. Почтовый документ, подписанный уездным исправником коллежским асессором Колмаковым, гласил:

12 апреля в 2 часа 15 минут служащим в двухстах саженьях от станции Стрельна обнаружено тело с отрезанной головой, что свидетельствует о насильственной смерти. Согласно циркуляру министра внутренних дел от 10 апреля сего года за № 2 537, прошу помочь в розыске убийцы и выяснении личности неизвестного.

Путилин половину ночи проворочался с боку на бок, сон не шел. Ныл бок, только к утру, слава богу, успокоился. Иван Дмитриевич провалился в дрему, но куда там. Звонок он не слышал, стук в дверь служанки громом застучал в висках.

– Что там? – спросонья пробурчал Путилин. Если так Глаша тарабанит, то наверняка злая и недовольна ранним визитером.

– Посыльный, – голос служанки звучал глухо, переливаясь ворчливыми нотками.

– Проводи в кабинет, – Иван Дмитриевич присел на кровати, нащупывая ногами домашние туфли, чиркнул спичкой и поднес трещащий мотылек огонька к фитилю свечи. Потом накинул на плечи стеганный поношенный халат, вышел в коридор. Посыльный, паренек лет шестнадцати с веснушчатым лицом. В колеблющемся пламени свечи испуганно блестели глаза.

Иван Дмитриевич в одной руке держал подсвечник, хотя света было достаточно. Солнце не поднялось, но уже показалось за горизонтом.

– Ну что там? – начальник сыскной полиции поднес свободную руку ко рту, прикрывая зевоту.

– Телеграмма, – сказал тихо посыльный.

– Давай.

Паренек вскинул глаза, явно не понимая Путилина.

– Телеграмму давай.

Посыльный покраснел, в свете свечи казалось, что у него на щеках проступили черные тени, протянул лист бумаги.

– Так, – Иван Дмитриевич развернул и прочитал несколько строк, потом повертел бумажку, рассматривая, нет ли чего на обратной стороне.

– Более ничего?

– Господин Иванов ждут дальнейших указаний. – Путилин понял, что посыльный говорит о дежурном чиновнике.

– Значит, ждут, – пробормотал начальник сыскной полиции. – Теперь и ты жди. – Сам он повернулся и взял со стола «Ежегодник железных дорог», открыл нужную страницу. – Так, молодец, беги к господину Орлову, потом Соловьеву, а затем к Жукову. Передай им, чтобы были на Балтийском вокзале к... – Путилин посмотрел на хронометр, – к восьми часам, к поезду, что отправляется в Стрельну. Успеешь всех оповестить?

– Так точно, не впервой, – позволил себе улыбнуться посыльный.

– Глаша! – крикнул Иван Дмитриевич, когда та остановилась у дверей кабинета. – Проводи молодца и приготовь сюртук и чай.

– Опять покоя нет. – Путилин строго взглянул на Глашу, но та и глазом не повела, только добавила еще более раздраженным голосом: – Всё режут люди друг друга, угомониться не могут.

* * *

Иван Дмитриевич прохаживался вдоль вагонов, помахивая тростью.

До отправления оставалось четверть часа. Отъезжающих было немного, поэтому Путилин видел всех садящихся в вагоны. Сыскные агенты запаздывали, то ли посыльный не успел оповестить, то ли они уже отправились в сыскное. Притом страшного ничего не случится. Приедут следующим, одиннадцатичасовым. Хотя хотелось бы всем вместе осмотреть место происшествия.

Глаз у штабс-капитана был наметанный. Заметит среди густой травы иголку. Вот Миша Жуков, младший помощник, хотя с головой, но больно горяч на выводы. Ничего, молод, но точно заменит, не его, Ивана Дмитриевича, так следующего начальника сыскной полиции. Даст бог, не двадцать четыре человека будут следить за порядком в столице. Каждый из злоумышленников будет на виду.

– Господа, – раздался голос кондуктора, – прошу занимать места в вагоне, через три минуты отправление.

Путилин взялся рукой за поручень и хотел поставить ногу на ступеньку, но в последнюю минуту оглянулся. По дебаркадеру быстро Семенил Жуков, за ним большими шагами шел надворный советник Соловьев, и последним со спокойным, не выражающим ничего лицом, неспешно, как на параде вышагивал штабс-капитан Орлов.

Машинист паровоза дал длинный гудок, струя пара устремилась по дебаркадеру.

– Здравия желаю, Иван Дмитрич! – первым поздоровался штабс-капитан.

– Что за дело в Стрельне? – скороговоркой протараторил Миша.

– В вагоне обсудим, – после приветствия произнес Путилин.

Пассажиров было немного, но не хотелось разговаривать при посторонних, поэтому заняли места в дальнем углу.

– Иван Дмитрий, что за спешка такая? – не выдержал Миша, видно, любопытство начало терзать его еще дома. – Опять часы у его высочества увели? – Жуков напомнил недавнее дело, когда дочь действительного статского советника Иваницкого, выйдя из пансиона, начала вести неподобающую для дворянки жизнь. Наталья стала мошенницей, но, что самое удивительное, посещала дома богатых людей и воровала маленькие драгоценные вещицы – кулоны, перстни, ожерелья с драгоценными камнями. Один раз, пользуясь именем отца, без особого труда проникла во дворец его императорского высочества великого князя Константина Николаевича и из кабинета похитила пять карманных часов. Заметил пропажу один из камер-лакеев. Во дворец был командирован Иван Дмитриевич с лучшими агентами, преступление расценивалось, как дерзкое покушение. По сопоставлению времени, когда великий князь мог видеть одни из часов, выяснилось, что кража могла быть совершена между тремя и четырьмя часами пополудни. В это время Константин Николаевич изволили почивать. Приступив к дознанию, Иван Дмитриевич встретил полное отсутствие сведений, способствующих поимке виновного. Не подлежало сомнению, что необходимо было обратить внимание на лиц, имевших свободный доступ в кабинет великого князя. Искать виновного следовало среди прислуги, однако изыскания не привели ни к каким результатам. Путилин начал основываться на мнении, что если часы столь редки, то могли обратить на себя внимание в минуту продажи. Поэтому оповещены в краткие сроки были как все торговцы золотыми изделиями, так и известные скупщики краденого. Оказалось, что похищенное заложено мастерам, все часы были разысканы, кроме одних. Оставалось обнаружить преступника. Сделалось известным, что все вещи сбывались молодой женщиной, по описанию то рыжей, то светловолосой, то брюнеткой, но всегда лицо скрывалось под вуалью, поэтому вновь обратились к дворцовой прислуге, но опять же без особого успеха. Между тем дерзкие кражи продолжались, и принято было решение предъявить фотографические карточки, имеющиеся в распоряжении сыскальной полиции. На одной из карточек женщина была признана за личность, сбывавшую похищенные часы. Она оказалась дочерью недавно умершего действительного статского советника Иваницкого. Проникла во дворец под видом отыскания одного из сослуживцев отца, в кабинет великого князя попала случайно, с такой же случайностью из квартиры военного министра похитила цепь к ордену Андрея Первозванного...

Жуков позволил себе неудачную шутку, но, увидев строгое лицо Путилина, умолк.

Иван Дмитриевич достал из кармана телеграмму, протянул штабс-капитану. Орлов прочитал, пожал плечами:

– Губерния тоже стала нашей заботой?

– Что за циркуляр за номером две тысячи пятьсот тридцать семь? – заглянул в лист светло-синего цвета надворный советник.

– Циркуляр министра гласит, что в случае насильственной смерти в нашу обязанность входит оказание помощи губернскому управлению. – Иван Дмитриевич смотрел в окно на проносящиеся деревья с едва пробивающейся зеленью из почек.

– Понятно, – сжал губы Соловьев.

– Более ничего не известно? – Последним читал телеграмму Жуков.

– Мне известно только это, – ответил Путилин и добавил: – Надеюсь, господин Колмаков до нашего приезда оградит место преступления от любопытствующих и оставит в том состоянии, в котором найдено тело.

Глава вторая

Находка на станции Стрельна

Пришел кондуктор. До Стрельны оставалось несколько минут пути. Под пронзительный скрип тормозов полицейские вышли в тамбур.

На дебаркадере Иван Дмитриевич с интересом взглянул на недавно построенное здание вокзала, возвышавшееся двумя этажами из красного кирпича, с покатой крышей, крытой железными листами. Путилин приехал сюда впервые, осмотрелся и отметил, что прибыли минута в минуту. Станционные часы показывали

8:49

У входа в здание вокзала стоял низенький мужчина в форменном полицейском кителе, осматривался по сторонам, явно кого-то поджидал.

– Апполон Павлович? – подойдя ближе, спросил начальник сыскной полиции.

– Так точно, коллежский ассессор Свинын, помощник уездного исправника, – отрекомендовался полицейский чин. – Вы, стало быть, господин Путилин?

– Да, это я.

Свинын решил, что на этом формальности знакомства исчерпаны, указал рукой в сторону и произнес:

– Прошу следовать за мною, – при этом даже не взглянул на спутников Путилина.

Соловьев и Орлов переглянулись, во взгляде читалось «хорош прием, ничего не скажешь! Вот и помогай после такого обхождения губернским властям».

Пришлось обойти здание вокзала, прежде чем вошли в комнату, которая оказалось служебным помещением, где располагались начальник станции и диспетчер. Здесь же на стуле сидел и уездный исправник господин Колмаков. Когда «гости» вошли, он подносил ко рту стакан с дымящимся чаем.

Константин Николаевич, мужчина лет шестидесяти, маленького роста, с брюшком и абсолютно лысой головой, вскочил, едва не пролив на себя чай. Виновато улыбнулся, словно сотворил что-то неподобающее, торопливо поставил стакан на стол и представился:

– Коллежский ассессор Колмаков, местный исправник, – голос звучал глухо и казался простуженным.

– Путилин, – представился начальник сыскной полиции и добавил: – Иван Дмитриевич, – указал рукою на сопровождавших его лиц, – чиновники по поручениям: надворный советник Соловьев, – Иван Иванович кивнул, – штабс-капитан Орлов, – тот, как в прежние армейские времена, щелкнул каблуками, – и мой помощник губернский секретарь Жуков.

– Очень приятно, господа, – улыбнулся исправник. – По чести, не ожидал вас так рано.

Ивану Дмитриевичу нравились бесхитростные люди, к которым он с первых минут знакомства отнес и Константина Николаевича. Тот в самом деле был таковым, иногда удивляясь себе, как соизволил дослужиться до такой должности. Ведь столько было рядом локотков, которые норовили отодвинуть в сторону, чтобы самим занять не столь уж хлопотливый пост первого уездного полицейского начальника.

– Может быть, чаю с дороги? – исправник указал на исходивший из трубы самовара едва заметный дымок.

– Благодарю, Константин Николаевич, – имя и отчество Путилин подсмотрел в уездном справочнике, никогда не мешает поинтересоваться заранее. – Хотелось бы сразу приступить к делу, время, знаете ли, дорого.

– Понимаю, – Колмаков водрузил на голову фуражку. – Тогда прошу следовать за мной. Здесь не далеко.

Поднявшись на дебаркадер, они прошли вдоль вокзала, на котором начали собираться пассажиры в ожидании поезда. Спустились по трем ступенькам на дорожку, ведущую вначале вдоль железнодорожной колеи и через десяток саженной сворачивающую в заросший невысоким кустарником лесок. Хотя солнце давно дарило земле теплые деньки, почерневший снег все еще лежал отдельными островками, прячась от лучей в редкой тени зазеленевших веток. Полицейские прошли вперед, там стоял часовой. Видимо, охраняет место преступления, промелькнуло у Ивана Дмитриевича.

– Я поставил полицейских, чтобы никто не затоптал место преступления, – словно прочитав мысли Путилина, повернул лицо исправник.

Путилин ничего не ответил, только кивнул.

– Вот здесь и нашел Степанов, служащий станции, тело. Живет Степанов недалеко, ходит иногда этой дорогой, – пояснил Константин Николаевич.

– Могу я с этим Степановым поговорить и услышать рассказ из первых уст? – поинтересовался Путилин.

– Непременно.

Тело лежало в нескольких саженях от тропинки, под кустом с набухшими на ветвях почками. Новая жизнь скоро должна расцвести яркими красками, а под ней обезглавленный труп. Доктор давно закончил осмотр и теперь ходил, то и дело нервно поднося ко рту папиросу. При приближении урядника и столичных агентов двинулся к ним навстречу, поздоровался.

– Впервые сталкиваюсь с такой жестокостью, – доктор вытер со лба пот, – убитому не более пятнадцати-семнадцати лет, лишен жизни явно не здесь, а принесен сюда, раздет, – он указал рукою на голое тело... – и отрезана голова.

– По каким приметам вы заключили, что убит не здесь? – Жуков полез с вопросами вперед начальника, за что был награжден вполне красноречивым взглядом.

– По тому, молодой человек, крови вытекло мало, отсюда делаю вывод, что убит этот мальчик явно в другом месте, – доктор отбросил в сторону папиросу, снял очки и начал их протирать.

– Значит, он был мертв, когда ему отрезали голову? – Миша явно нарывался на выговор от Путилина.

– Не знаю, – в том же спокойном тоне продолжил доктор. – Хотя убийца не стал ждать несколько часов у тела, пока кровь не стала свертываться.

– Извините... не знаю вашего имени-отчества... – обратился Иван Дмитриевич к доктору.

– Простите ради бога, – урядник приложил руку к груди. – Виноват, что не представил, Николай Петрович Воскресенский.

– Путилин, Иван Дмитриевич, – произнес начальник сыскной полиции. – Вы уж простите моего помощника за вопросы, но хотелось бы больше узнать.

– Хорошо, – Воскресенский надел очки. – Убитому около семнадцати лет, сперва был задушен, об этом свидетельствует след от веревки или чего-то подобного на шее, спустя какое-то время перенесен сюда, – доктор начал перечислять, словно дело шло не о лишенном жизни молодом человеке, а об обыденных делах. – Здесь же была отрезана голова. Причем делали это тупым ножом, об этом можно судить по тому, что убийца делал все в спешке, но тупое лезвие его сдерживало, в некоторых местах видны рваные и множественные порезы. Убийца снял одежду, но, скорее всего, разрезал. Более подробностей об убитом я сообщить не смогу. Конечно, может еще что выясниться, но только после вскрытия.

– Благодарю, Николай Петрович.

– Но я не понимаю, – теперь настала очередь задавать вопросы исправника, – зачем убийца унес голову?

– Объясняется просто, – Иван Дмитриевич оперся о трость, – наш кровожадный злодей не хотел, чтобы при обнаружении тела могли опознать убитого, но не думаю, чтобы он унес голову далеко. – Путилин взглянул на сыскных агентов. – Посмотрите. Непременно должна быть. Если нам повезет, найдем где-нибудь недалеко и платье несчастного мальчика.

Путилин подошел ближе к трупу, присел на корточки.

Тщедушное тело белым пятном выделялось на позеленевшей траве, грудь обтянута кожей, сквозь которую, чуть ее не прорывая, виднелись ребра, впалый живот не вошедшего в пору взросления, а так и оставшегося навечно в юношестве мальчика. Руки вытянуты вдоль тела. Одну приподнял Иван Дмитриевич, ноготь указательного пальца сорван, складывалось впечатление, что юноша боролся за жизнь, когда что-то тонкое захлестнуло шею. Не ожидал, возможно, такого поступка от человека, с которым приехал сюда. Небольшие ступни завершали картину трагедии, они были белыми, безжизненными, словно выточенными из мрамора с прожилками едва заметных вен.

– Я посмотрел, – произнес после некоторой задумчивости Воскресенский, видно эта мысль не давала ему покоя. – У мальчика нет особых примет, даже не могу представить, как вы сможете узнать имя несчастного, не то что его убийц.

– Посмотрим. Если при первом осмотре ничего найдено не будет, – Путилин смотрел на исправника, – то придется нам с вами обыскать весь лесок.

– Что будем искать? – с готовностью откликнулся Николай Петрович.

– Не знаю, – пожал плечами начальник сыскной полиции. – Все, что будет вызывать подозрение, а вернее всего, все, что будет найдено, а там уж будем разбираться – пригодится нам в расследовании или нет.

– Так-с, – исправник снял фуражку и провел рукой по затылку, – значит, не знаю что, не знаю где, – но слова, как ни странно, прозвучали безо всякой иронии, с такой серьезностью, что улыбка на лице Путилина стала шире.

– Именно так, – сказал Иван Дмитриевич, потом обратился к доктору: – Вы можете сказать, сколько дней тому совершено преступление?

– Трудно сказать, – Воскресенский скрестил руки на груди, от чего стал более походить на статую римского сенатора, облаченного в сюртук, только вот не хватало тоги и свитка в руке, – но исходя из погоды последних дней и состояния тела, я бы сказал, что не более четырех дней.

– Значит, восьмого.

– Что? – переспросил доктор.

– Я говорю... – начал Путилин, тут же остановился и потом продолжил: – Убит восьмого числа сего апреля, в понедельник.

– Вполне возможно.

– Иван Дмитрич, – раздался взволнованный голос Жукова. – Там... Там, – лицо было бледным и безжизненным, только блестели глаза и сошедшие на переносице брови выдавали волнение. – Там...

– Нашел голову? – подсказал Путилин. – Вот и хорошее известие.

– Но там... – и дальше Жуков выговорить не мог.

– Веди, – распорядился Иван Дмитриевич и пошел за помощником.

В саженях десяти-пятнадцати под кустом, в подтаявшем снегу, выглядывал чужеродным предметом застывший глаз, вокруг него раны с заметными следами заскорузлой крови, словно убийца хотел уничтожить лицо, чтобы наверняка никто не мог признать убитого.

Путилин отложил в сторону трость, перчатки и аккуратными движениями начал откапывать найденную Мишей голову. Лицо молодого человека было исполосовано, где рваными ранами, где порезами с ровными краями.

– Господин Воскресенский, что вы скажете об этом?

Доктор подошел ближе и опустил на корточки.

- Убийца спешил.
 - Отчего вы так решили?
 - Видите ли, как ни прискорбно говорить, но злоумышленник мог бы срезать с лица кожу, а здесь он не резал, а размахивал ножом.
 - Вы правы.
 - Миша, – Путилин поднялся на ноги, – откапывай и неси к телу.
- Через некоторое время Жуков опять подал голос:
- Иван Дмитриевич, здесь и одежда зарыта.
 - Это хорошо.
- Из-под снега Миша извлек форму ученика гимназии.
- Значит, убитый гимназист, – подал голос исправник, – это поможет в нахождении личности несчастного?
 - Да, – махнул головой Иван Дмитриевич, – в первую очередь проверим гимназии. Посмотри, Миша, убийца ничего не забыл в карманах?
- Исправник с интересом смотрел на действия сыскного агента. Он в первый раз не занимался сам, а наблюдал за столичными гостями, о которых чуть ли не сказки рассказывали, что все преступники империи у них переписаны, что скоро всех изведут, а в последнее время и фотографическими карточками пополняется какой-то их секретный архив. Ни один злоумышленник не уйдет от наказания.
- Николай Павлович был слегка разочарован, ему представлялась работа сыскного отделения не так, а они ползают по кустам, копаются в одежде. Так и приданные в его распоряжение полицейские могут, а проверить гимназии пару пустяков, несколько часов, и все. У них в уезде... Потом спохватился, а если из столицы убитый, тогда, Николай Павлович почесал затылок, нет, пусть лучше сыскные агенты господина Путилина занимаются своей неожиданно свалившейся проблемой.
- Ну что? – торопил Жукова Иван Дмитриевич, лицо выражало нетерпение.
 - Есть, – обрадованно произнес Миша и протянул свернутую в несколько раз бумагу – видимо, убийца во всех карманах пошарил, а в брюках не стал или забыл.
- Путилин развернул поданную бумагу.
- Итак, что мы имеем, – он внимательно прочитал, – а имеем мы квитанцию на посланную четвертого числа сего месяца телеграмму из Петербурга в Кронштадт...

Глава третья

Снова расспросы

– Замечательно, – сказал Иван Дмитриевич, поднял взгляд, прищулив глаза, казалось, витал где-то далеко, но не здесь, в лесочке близ станции Стрельна, возле тела незнакомого молодого человека. – Да, – Путилин словно очнулся от задумчивости. – Продолжай, Миша, поиски. Может, еще что будет найдено.

– Иван Дмитрич, – к начальнику сыскной полиции подошел исправник и заглянул в квитанцию, – но здесь только фамилия значится. Мяко или мяка, видимо Мякотин или Мякатин, и ничего более?

– Нет, дорогой Константин Николаевич. – Путилин помахал бумажкой в воздухе. – Это уже след, и от него мы будем тянуть ниточку. Не могу сказать, куда она приведет, но, однако же, смею вас заверить, что в нужном направлении, – потом закусил нижнюю губу и добавил: – Хотя всякие чудеса бывают в нашей службе.

Поиски в лесочке длились не более получаса, заглядывали под каждый куст, тревожили снежные кучи, но все без толку, ничего более найдено не было, кроме прошлогодней листвы да упавших с деревьев сухих сучьев.

– Что ж, любезный господин Колмаков, – Путилин улыбнулся, – теперь к вашему счастью.

– Какому? – изумился исправник.

– Как же? К тому, которому посчастливилось наткнуться на столь неприятную находку.

– Вы про Степанова?

– Именно, про него.

Возвращались той же дорогой, вдоль железнодорожных путей, и, как понял Иван Дмитриевич, в то же служебное помещение, которое облюбовал исправник или там часто останавливался, будучи на станции. Настроение, несмотря на зверское преступление, улучшилось. Найденная квитанция вселяла маленькую надежду, что опознание убитого дело недалекого будущего, а там... Вот о «там» загадывать не хотелось, уж очень в иной раз становилось «там» непредсказуемым.

Степанов, оказавшийся станционным служителем, был небольшого роста, с черной щетиной на лице и маленькими бегающими глазками, словно нашкодил и теперь не знает, куда спрятать взгляд. Вскочил со стула, когда исправник и начальник сыскной полиции вошли в служебное помещение.

Лицо, немного одутловатое, и трясущиеся руки, как отметил Путилин, говорили о бессонной ночи, в течение которой выпито служителем немало хлебного вина, судя по запаху. Иван Дмитриевич внимательно осмотрел служителя с головы до ног, отметив, невзирая на нездоровый вид, форменная одежда выглажена, без единого пятнышка, выглядел накрахмаленный воротничок белоснежной рубашки. Только вот брюки снизу запачканы пятнами свежей грязи и довольно большое на правом колене, видимо, как наткнулся на обезглавленный труп, так бросился стремглав бежать не разбирая дороги, то ли испугался, то ли по иной причине.

Степанов от пристального взгляда незнакомого господина, в котором признал большого начальника, сконфузился и как-то даже в росте стал меньше, чувствуя себя виноватым непонятно за что. Украдкой бросал взгляды на мужчину в летах, облаченного в статский костюм. Путилин знал, что это начальник станции и в его присутствии Степанов правды не скажет.

– Константин Николаевич, – Путилин повернул голову к исправнику, – для пользы дела мне хотелось бы поговорить с господином Степановым тетя-тет, в приватной, так сказать, обстановке, – и глазами указал на начальника станции.

Константин Николаевич понятиливо улыбнулся.

– Не вижу препятствий. Селиван! – позвал Колмаков. – Проводи господина Путилина в залу для гостей.

– Следуйте за мной, – перед Путилиным, словно из воздуха, появился полицейский, держа руку на эфесе сабли.

Исправник подтолкнул Степанова, мол, иди за петербургским гостем.

Зала для ожидающих поезда гостей оказалось небольшой, но светлой, с большими до пола окнами и удобной изящной мебелью. В этот час тут было пусто. Кресла и диваны с хрупкими на вид ножками не внушали доверия.

– Разрешите идти? – полицейский приложил руку к головному убору.

– Да, ступай, голубчик, – вроде бы рассеянно произнес Путилин, но взгляд цепко наблюдал за служащим станции.

Иван Дмитриевич прошелся по зале, подошел к окну, отодвинув в сторону белую невесомую гардину, выглянул на улицу, потом резко обернулся и внимательно посмотрел на Степанова, который и так чувствовал себя неуютно, а здесь вообще оробел.

– Прошу, – наконец произнес начальник сыскной полиции и указал рукой на одно из кресел.

– Извините, я стоять привыкши, – Степанов вцепился в фуражку, как утопающий за подвернувшуюся под руку доску.

– Присаживайся, в ногах правды нет, – Путилин опустился на диван, закинул ногу на ногу и положил руку на спинку.

– Я...

– Садись, – повысил голос Иван Дмитриевич, и служащий станции не стал противиться, присел так, чтобы в любую секунду вскочить. – Итак, любезный, как твое имя-отчество?

– Иван Иванович, – совсем тихо пробормотал Степанов.

– Иван Иванович, значит, – Путилин знал, как разговаривать с такими людьми, занимающими должность без чина, поначалу немного строго, чтобы тот почувствовал неудобство, а уж потом можно вытаскивать маленького человека из раковины, в которой тот прячется, – меня можешь звать Иваном Дмитриевичем.

– Да как я смею? – и впервые, как вошли в залу, поднял взгляд на Путилина.

– Давно служишь на станции?

– На этой с первого дня.

– А до этого?

– В Петербурге при Варшавском вокзале.

– Отчего сюда переехал?

– У меня семейство, а здесь жалование почти на треть выше.

– Понятно. Значит, в этих краях всех знаешь?

– Не то чтобы всех, но знаю, вот его высочество...

– Об их высочествах поговорим позднее. А теперь меня больше интересует, не встречал ли убитого ранее? – Вопрос был задан с умыслом, Путилин и так знал, что Иван Иванович не мог разглядеть убитого, тем более голова с порезанным лицом найдена была в другом месте.

– Я, как споткнулся об...

– Тело, – подсказал Иван Дмитриевич.

– Так точно, – торопливо произнес Степанов, – тело. Сперва не понял, что это, а как склонился над ним, так сердце едва из груди не выскочило, пока бежал.

– Скажи, а часто ты той дорогой ходишь?

– Нет, – и прикусил губу.

– Говори, братец, – в голосе Путилина звучали участливые нотки, которые переросли в настойчивые. – Все одно разузнаю, уж лучше от тебя.

– Я там хожу, когда меня в гости иной раз заносит.

– Вчера вечером и был такой день?

– Совершенно верно.

– Выкладывай на чистоту, что это я должен из тебя всякое слово тянуть клещами.

– Здесь неподалеку вдова живет, вот я, грешен, к ней похаживаю.

– В прошлый раз когда был?

– С неделю будет.

– Почему так рано на службу шел?

Степанов покраснел и снова уперся взглядом в пол.

– Ну?

– Полаялись мы, – выдавил из себя Иван Иванович. – Слово за слово, вот я и хлопнул дверью.

– Верхнее платье она привела в порядок?

– Она, – Степанов погладил рукой по колену. – Хозяйственная она.

– А что семья? – Иван Иваныч обиженно засопел. – Да и не мое это, братец, дело – в семейных делах разбираться, – успокоил его Путилин. – Мои мысли более занимает убиенный. Значит, ничего добавить к делу не можешь? – Степанов неопределенно пожал плечами. – Так-так, а кто этой дорожкой еще ходит?

– Не знаю, – задумался служащий, – там сколько живу, никого не встречал.

– Понятно, а как тело обнаружил?

– Да как, – удивился вопросу Иван Иваныч, вроде бы уже сказал. – Полаялись, я оделся, домой идти поздно, так я сразу на станцию, ведь все одно утром на службу.

– Много выпил?

– Достаточно, – и Степанов спохватился, что себя выдал.

– Давай далее, как я сказал, меня больше занимает иное, нежели твое поведение на службе.

– Иду я, ругаюсь вполголоса. Не обращаю ни на что внимания, будто с Клавкой говорю, – бросил быстрый взгляд на Путилина, имя вылетело вдовы. – Споткнулся и упал, вот и брючину вымазал, – он показал рукой на пятно на колене. – Когда поднялся, зажег спичку. Белое тело и без головы. Меня такой испуг обуял, вмиг вся хмель из головы вылетела. Я, не разбирая дороги и не беспокоясь, что могу упасть, побежал на станцию предупредить об убитом. Вот и все.

– Хорошо, – изрек Путилин. – Хотя хорошего здесь мало. Скажи-ка, братец, ты ведь на службе каждый день?

– Не совсем так. Воскресенье – мой неприсутственный день.

– Пусть так, – Иван Дмитриевич поднялся с дивана и, заложив руки за спину начал прохаживаться по зале. Вслед за ним пружиной вскочил Степанов. – Ничего в последние дни необычного не видел?

– Не знаю, – пожал плечами Иван Иваныч. – Как и каждый божий день, приезжают господа и дамы, отъезжают.

– Понятно, а вот чтобы внимание привлек, ну, там скандал какой или кто буяннить начал.

– Не припомню, у нас полицейский при станции приставлен, так тот не допустит ничего лишнего, слишком Селиван строг.

– Это тот, что нас провожал сюда?

– Так точно, он самый.

– Тогда более не держу, ты, братец, кликни Селивана.

Иван Дмитриевич видел, как на улице появился Степанов, плечи расправлены, словно подвиг какой совершил или от начальства поощрение заслужил. Подошел к Селивану, стоящему на платформе, и что-то сказал. Полицейский поправил ремень, не стал ничего спрашивать у Ивана Иваныча, а сразу направился к петербургскому гостю.

Раздался громкий требовательный стук, дверь отворилась, и на пороге появилась высокая ладная фигура полицейского. По лицу невозможно было понять ничего, словно вошла статуя с каменной физиономией.

– Ваше высокородие... – начал он, но Путилин поморщился и махнул рукой.

– Проходи.

Но Селиван так и остался стоять у двери.

– Скажи-ка мне, Селиван, – посмотрел Путилин на стоящего у двери полицейского, но тот только недоуменно моргал и ничего не произносил.

– Как тебя по батюшке?

– Степаном отца звали.

– Вот что, Селиван Степаныч, в последнее время на станции никаких происшествий не случилось?

– Никак нет, – гаркнул Селиван.

Путилин вновь поморщился.

– Тише, чай не на платформе паровоз перекрикиваешь.

– Извиняюсь, ваше высокородие!

– Так было что-то или нет? Мне интерес представляет все, что было.

– Да ничего такого и не было, у нас же публика вся, почитай, из благородных, а они поведения богоугодного.

– И офицеры ведут себя пристойно, и, скажем, молодые люди?

– Вы про это, – Селиван выдавил на одном дыхании. – Офицеры, те иной раз, когда выпимши лишнего, что-нибудь учудят, но меж собой, а чтобы к статским – ни-ни.

– А молодежь?

– Они тоже, конечно, ведут неподобающе, вот наемдни трое совсем молоденькие, а вина, видимо, попробовали, хотя и вели себя тихо, но какие-то настороженные были.

– Если запомнил, чем привлекли внимание?

– Больно уж тихо себя вели.

– Не скандалили же?

– Так вели себя тише травы, шепотом переговаривались. Странно как-то.

– Понятно. Запомнил их?

– Увидел бы, узнал.

– В чем они одеты были.

– В гимназической форме.

– Не вспомнишь, какой гимназии?

– Никак нет.

– Убиенного видел?

– Так точно.

– Не он ли среди тех гимназистов был?

– Не могу знать, этот без головы и голый, в таком виде не признать.

– Хорошо, тогда опиши тех гимназистов.

Селиван так толково описал гимназистов, что Путилин достал книжечку и занес слово в слово сказанное полицейским. Иван Дмитриевич привык запоминать или записывать все, чтобы потом отсечь лишнее, словно скульптор от куска мрамора.

– Ступай, братец, – начальник сыскного отделения смотрел в окно.

Глава четвертая

Все начинается в столице

Ближе к трем часам пополудни исправник любезно предложил отобедать у него дома. Марфа Васильевна, говорил он, предупреждена, что пожалуют столичные гости, так что расстарается. Кухарку она не держит, добавил Константин Николаевич, а делает все сама. Господь не дал им детей, вот она и норовит угодить мужу, и прикрыл рукой улыбку.

Иван Дмитриевич не стал отказываться от столь заманчивого предложения и любезно согласился, напомнив, что он не один. На что исправник заметил, гостям, мол, всегда рад и всегда найдется и тарелка супа, и кусок мяса, ну и кое-что покрепче, чтобы обед пресным не казался.

Хозяйка оказалась особой средних лет, но довольно привлекательной, в особенности добродушной улыбкой и русыми волосами, непослушно выбивающимися из-под чепца. Марфа Васильевна сама вызвалась быть сегодня в роли прислуги и попросила не смущаться. После великолепных щей со свежим, теплым хлебом, казалось только вынутым из печи, на столе, словно из воздуха, появились, печеный гусь и баранья нога под причудливым соусом.

– Все-таки не пойму – наконец произнес исправник, видимо давно хотел спросить, но не решался, – чем же квитанция поможет в деле?

Иван Дмитриевич на мгновение замер, положив ладони на белоснежную накрахмаленную скатерть, сглотнул слюну, тяжело вздохнул, что, мол, он не хотел вести такие разговоры за столом, но после красноречивого взгляда на хозяйку, словно бы извинившись, произнес:

– В квитанции указана фамилия отправителя...

– Но ведь Мякатиных-Мякотиных по столице не одна тысяча будет? – нетерпеливо перебил исправник.

– В этом вы правы, но нам известен получатель, он-то наверняка знает отправителя, и мы по надписи на квитанции видим, откуда и когда была отправлена телеграмма. Вот по этим сведениям мы найдем человека, если это не наш убиенный, – Путилин посмотрел вновь извиняющимся взглядом на хозяйку, что, мол, он не хотел о таких страстях упоминать за обедом, – то найденный может опознать или рассказать, как его квитанция от отправленной телеграммы оказалась в кармане убитого.

– И всего-то? – удивленно произнес Константин Николаевич. – А я уж думал...

– Все обыденно и неинтересно, – Иван Дмитриевич катал между пальцами шарик из мякиша, – наша служба сродни поиску драгоценного камня, прежде чем его найти, приходится десятки пудов горной породы просеять. Вот начнем после выяснения фамилии гимназиями заниматься...

– Иван Дмитрич, – робко вставил Миша Жуков.

– Да, – Путилин не посмотрел на помощника, явно занятый своими мыслями, – впрочем... – поднял взгляд на хозяина, – с гимназией проще, на околыше над козырьком серебряный знак, на котором я заметил буквы «КрГ», что, как вы знаете, означает Кронштадтская гимназия.

– А я и не обратил внимания, – исправник изумленно смотрел на начальника сыскного отделения, словно тот, как фокусник, достал из шляпы живого кролика. – Форменный полукафтан, так такие все гимназисты носят, а вот о фуражке позабыл, да, честно говоря, как увидел обезглавленное тело, так и мысли-то прочь.

– Константин Николаевич, нам невнимательными быть нельзя, от этого зависит ход расследования.

* * *

После сытного обеда исправник пригласил гостей в кабинет, чтобы там обсудить, в каком направлении двигаться дальше. Сам хозяин принес самовар, Марфа Васильевна – на подносе чашки.

Выходя, она прикрыла за собою дверь, чтобы не мешать серьезному разговору.

Хозяин разлил чай.

– Иван Дмитрич, что же дальше? – не выдержал томимый любопытством исправник, отделивший себя от ведения следствия.

Путилин поднялся из кресла, держа в правой руке чашку, в левой – блюдец, и по давней привычке, словно был в своем кабинете на Большой Морской, подошел к окну.

– Искать убийцу, после выяснения личности убитого. Сегодня же посетим деревеньку, где провел ночь нашедший убиенного господин Степанов, выясним, не видел ли кто что-то привлекавшее внимание, потом надо поговорить со служащими станции. Не ждал ли кто гостей – гимназистов.

– Вы думаете, – вскинул брови Колмаков, – что такое могли с товарищем сотворить гимназисты?

– Я не исключаю такой возможности, – Путилин продолжал стоять у окна, и исправник не видел его лица, которое скривилось, словно начальник сыскного отделения испытал резкую зубную боль. – Нынешние юноши не в пример нам испорчены французскими любовными романами, – и повернулся к Жукову. – Не так ли, Миша?

Помощник покраснел от слов Ивана Дмитриевича, но ничего не произнес в ответ.

Возникла неловкая тишина, только часы продолжали отстукивать свое неизменное «тик-так».

– Иван Дмитрич, – поднялся со стула штабс-капитан, – можно приступать? Только вот... Константин Николаевич, подскажите, какие деревни расположены рядом со Стрельной?

– Всего три, но я бы не рекомендовал там никого опрашивать, – исправник склонил голову к левому плечу и покачал ею.

– Отчего же? – произнес Путилин.

– Все равно ничего не скажут, даже если что-то видели.

– Но...

– Иван Дмитрич, вы для них чужаки, а я смогу выяснить и завтра, может быть, послезавтра вам доложу о том, что смогу узнать.

Начальник сыскного отделения тяжело вздохнул.

– Хорошо, хотя я не привык полагаться на чужие слова, – и быстро добавил: – Вы не примите мои слова как недоверие, просто привычка проверять все самому.

– Я не имею претензий, – неожиданно улыбнулся Колмаков, – сам из той же породы.

– Константин Николаевич, я попрошу вас не мешкая, как только доктор составит рапорт о вскрытии, прислать не почтой, а с посыльным.

– Непременно, об этом можете не беспокоиться.

– Тогда, с вашего позволения, мы продолжим расследование в столице, там и гимназия, и отправитель телеграммы, видимо, оттуда придется тянуть ниточку.

Из-за рабочего стола поднялся хозяин.

– Иван Дмитрич, если мы поспешим, то успеем на пятичасовой поезд, ведь следующий будет только в одиннадцатом часу.

* * *

Каждый из сотрудников сыскного отделения думал о своем. После прощания на вокзале они ехали почти половину пути не разговаривая, пока не нарушил первым молчание Миша Жуков.

– Как вам кажется, справится исправник с заданием? – обратился он к сослуживцам.

– Вполне, – с серьезным выражением лица ответил Иван Иванович.

– Но...

– Константин Николаевич знает порученный ему уезд, и ему, как своему, расскажут больше, чем нам.

Штабс-капитан подтвердил слова надворного советника кивком головы.

– Хорошо.

– Итак, господа, – Иван Дмитриевич опирался двумя руками о трость, – каковы соображения по данному делу?

– Я думаю, рано говорить, – начал неугомонный Миша.

– Рано, – перебил его Путилин, – но, чтобы двигаться далее, необходимо выбрать сторону.

– Направление, Иван Дмитриевич, выбрано, – штабс-капитан сжал губы и продолжил: – Вы верно заметили, что нам требуется проверка Кронштадтской гимназии, не пропал ли кто из их учеников, и квитанция, которую тоже стоит проверить. В данную минуту вижу только эти дорожки.

– Вы правы, – Путилин посмотрел на Орлова, – вот вы и займитесь Кронштадтом, а вы, Иван Иванович, квитанцией, – и он протянул надворному советнику бумагу серого цвета.

– А я? – обиженно спросил Миша.

– Ты мне нужен на Морской.

– Иван Дмитрич, сегодня мне не успеть в Кронштадт, – штабс-капитан смотрел на свои руки.

– Я на этом не настаиваю, займитесь с утра.

– Хорошо.

– А я думаю, – сощурил глаза надворный советник Соловьев, – сумею узнать в ведомстве, откуда и, главное, кем послана телеграмма.

– Вполне возможно.

Уже на перроне Иван Дмитриевич пальцами правой руки медленно почесал нос.

– Вот что, господа, сейчас вас не смею задерживать, завтра у каждого из нас трудный день, ступайте-ка по домам, – на секунду замолчал. – Меня предчувствие никогда не обманывало, и вот в данную минуту мне кажется, что еще не одно неприятное мгновение преподнесет нам расследование. Ступайте, и жду от каждого из вас известий, которые помогут нам в изобличении преступников.

– Преступников? – не утерпел Жуков и вставил слово.

– Да, именно преступников, мне кажется, их было не менее двух. Все, ступайте, – Иван Дмитриевич повернулся и, помахивая тростью, направился в сторону Обводного канала, где намеревался взять экипаж, чтобы проследовать на Большую Морскую. Дома никто, кроме домработницы Глаши, не ждал, поэтому Путилин предпочитал проводить время в кабинете в отделении, считая, что там он приносит больше пользы, чем сидя в домашнем халате у камина с газетой в руках.

Глава пятая

Новые нити

Причал, с которого отходили суда в Кронштадт, находился напротив 8-й линии Васильевского острова. Небольшое деревянное здание в два этажа, на первом – светлая зала с буфетом для пассажиров первого класса и небольшая комната для второго.

Несмотря на размеры судна, оно тоже имело каюты для разных сословий. Те, кто побогаче, получал места на верхней палубе с большими стеклами и изумительным видом на залив.

Штабс-капитан прибыл к причалу за четверть часа до отправления. Суда отходили в Кронштадт каждые три часа, начиная с девяти утра и заканчивая шестью вечера. Василий Михайлович приобрел билет, заплатив за место в первом классе, отсчитал шестьдесят копеек серебром. Неспешным шагом поднялся по трапу на пароход и остановился на открытой площадке, наблюдая за суетой на причале и судне. Еще вечером он посмотрел в адрес-календаре, что в Кронштадте только одна гимназия, и любопытно было то, что «по Высочайшему указу 10 февраля 1817 года дарованы гимназии сей особые права и преимущества, состоящие в том, что ученики, окончившие курс учения в оной, поступают в гражданскую службу чином XIV класса и при дальнейшем производстве в чины не подвергаются установленному указом 6 августа 1809 года испытанию».

Не каждое заведение имеет такие привилегии...

Инспектор тамошней гимназии статский советник Добронравов представал перед штабс-капитаном пока черным пятном с неизвестным характером.

Захочет ли он принять столичного сыскного агента?

Тоже интересный вопрос. Порой начальники заведений не то что с неохотой, а с большим неудовольствием принимают полицейских чинов, считая, что приход тех ставит большое несмываемое пятно на репутации воспитанников.

* * *

Шли по заливу полтора часа, и, несмотря на то что апрельский ветер все-таки окутывал штабс-капитана холодными потоками, Василий Михайлович не покинул палубу, а продолжал стоять, подняв воротник пальто и задумчиво разглядывая проплывающий мимо берег.

Прибыли минута в минуту.

Чтобы не терять времени, Орлов взял извозчика.

– Эх, барин, куда изволите?

– В мужскую гимназию, – ответил Василий Михайлович, удобнее усаживаясь в коляску.

– Извиняйте, – обернул голову возница. – Ту, что на Николаевском?

– А что, здесь много мужских? – удивленно спросил штабс-капитан.

– Никак нет.

– Так что спрашиваешь?

Извозчик спрятал улыбку под густой бородой и щелкнул кнутом.

– Пошла, родимая.

Ехать пришлось недолго. Вначале пересекли канал Петровского дока, Обводный канал, потом по левую руку остался Гостиный двор, гудевший, как разбуженный улей, по правую – деревянный собор Владимирской иконы Божьей Матери.

Они остановились у ворот трехэтажного желтого здания.

– Приехали, барин, – обернулся возница.

Орлов молча протянул извозчику пятиалтынный, сошел с коляски, размял ноги и направился к входу в гимназию.

Перед входом прохаживался то ли привратник, то ли местный дворник в сером камзоле, словно солдат на посту. Штабс-капитан обратился к нему.

– Послушай, любезный, где я могу найти господина Добронравова?

– Ивана Ильича или Сергея Фомича?

– Инспектора, – удивленно остановился Василий Михайлович.

– Значит, Ивана Ильича. Он недавно здесь проходил с проверкой...

– Так где я могу его найти? – прервал словоохотливого собеседника штабс-капитан.

После того как дворник объяснил, как найти инспектора, Василий Михайлович поинтересовался, кто же такой Сергей Фомич Добронравов.

– Он тут воспитателем служит. Прошу прощения, а вы кто будете? – Собеседник держал дверь за ручку, не пропуская штабс-капитана, выполняя роль цербера при гимназии.

– Сыскная полиция, – Орлов посмотрел в глаза дворнику, тот стушевался и отступил в сторону, пропуская штабс-капитана.

* * *

Господин Добронравов оказался мужчиной сорока пяти лет с пышной шапкой темных волос улыбающимся лицом и детскими ямочками на щеках.

– Чем обязан? – после того, как штабс-капитан представился, произнес Иван Ильич.

– Хотелось бы получить некоторые сведения об одном из ваших воспитанников.

– Любопытно, чем наши воспитанники могут заинтересовать сыскное управление? – удивился инспектор.

– Служба такова, – на лице Василия Михайловича появилась улыбка. – Видите ли, приходится проверять всяческие, даже самые нелепые слухи, чтобы расследование вышло на прямую дорогу.

– Понимаю, присаживайтесь, господин Орлов...

– Василий Михайлович.

– Да, Василий Михайлович, присаживайтесь, – и указал на изящное кресло, обитое коричневым бархатом. – Так чем могу служить?

– Вы, конечно, знаете всех своих воспитанников?

– Конечно.

– Вам знакома фамилия Мякотин или Мякатын?

– Да, – Иван Ильич кивнул головой, – в старшем классе учится Сергей Мякотин.

– Вы позволите с ним переговорить?

– С удовольствием, но, увы, это невозможно.

– Отчего? – казалось, что штабс-капитан искренне удивился.

– Минуту, – Иван Ильич поднялся с кресла, приблизился к столу, открыл толстую тетрадь, полистал ее и с обрадованным видом подошел с какой-то бумагой к сыскному агенту.

Василий Михайлович взял бумагу оказавшуюся телеграммой:

– Третьего дня мне принесла ее госпожа Мякотина.

Орлов прочел текст, потом посмотрел на адрес «Наличная улица, дом 15, квартира 5, Марии Алексеевне Мякотиной».

– Кто вам принес телеграмму?

– Госпожа Мякотина.

– Вы сказали, третьего дня?

– Так, сегодня тринадцатое, – начал вспоминать господин Добронравов. – Десятого... Нет... Нет... Госпожа Мякотина принесла мне телеграмму девятого числа, именно мне.

- Что-нибудь при этом говорила?
- Добавила, что Серёжа заболел.
- Понятно, а что вы можете сказать о воспитаннике?
- Почти ничего, – Иван Ильич присел на соседнее кресло. – Талантами Сергей не блещет, посредственные оценки по всем предметам.
- Про поведение что-либо можете сказать?
- К сожалению, ничего.
- Может быть, подскажите, с кем он дружен в гимназии.
- Увы, – Добронравов развел руками, потом добавил: – Вы мне все-таки скажете, что случилось?
- Не хотелось бы вас пугать, – Василий Михайлович подбирал слова. – Но мне кажется, что вы лишились своего питомца.
- Он что-то совершил противозаконное?
- Хотелось бы, чтобы я ошибался.
- Так что же случилось с Мякотиным?
- Не хотелось бы вас огорчать, но мне кажется, что Сергей мертв.
- Такого просто не может быть.
- Может, – тяжело вздохнул штабс-капитан, решивший, что инспектор кронштадтской гимназии заслуживает знать правду, – вчера утром у станции Стрельна найден труп молодого человека, и мы предполагаем, что этим человеком может быть Сергей Мякотин.
- Он опознан?
- К сожалению, нет, повреждено лицо.
- Может быть, ошибка?
- В кармане гимназической формы найдена квитанция, свидетельствующая, что молодой человек отправил телеграмму, текст которой вы мне показали.
- Если вы ждете, что я могу что-то добавить к сказанному о Сергее, то напрасно, я все о нем вам сказал. Учителя тоже не смогут вам добавить ничего нового.
- Неужели ничего?
- Добронравов задумался, потирая пальцами переносицу.
- Ничего, повторюсь, добавить не смею, ведь Мякотин ничем не блистал. По поводу дружбы Сергея с соучениками добавить ничего не могу, насколько я знаю, он был необщителен.
- Позвольте поговорить с учениками?
- Извините, но позволить не могу. Мне не хотелось бы ненужных слухов в гимназии, тем более что ничего нового вы не узнаете. Мне службой предписано знать всех учеников, их чаяния и даже мысли, вот поэтому для вас будет пустой тратой времени, а для меня лишними слухами.
- Но все равно в гимназии рано или поздно станет известным о смерти ученика старшего класса.
- Поверьте, я сумею преподнести сей печальный факт в выгодном для гимназии свете.
- Орлову так и хотелось добавить «для вас», но он сдержался, поднялся с кресла, отклонился и вышел. Только на улице он вспомнил, что не спросил инспектора, как пройти на Наличную улицу.
- Дворник топтался во дворе, словно на самом деле стоял на посту. Он-то и объяснил сыскному агенту, что здесь недалеко: пройти вдоль крепостной стены по Северному бульвару до Чеботарёвой улицы, потом направо, и предстанет Наличная во всей красе.
- Далеко ли? – поинтересовался Орлов.
- Нет, барин, рукой подать, – ответил страж входной двери.

И на самом деле до искомого дома штабс-капитан дошел за четверть часа. Поднявшееся солнце дарило тепло и слепило глаза, небо не предвещало плохой погоды, ни единого облачка не проплывало по голубому океану.

Глава шестая

Кронштадтские визиты

Мария Алексеевна Мякотина занимала на Наличной улице двухэтажный деревянный дом, доставшийся от почившего в бозе восемь лет тому супруга, статского советника, служившего по морскому ведомству. Пенсия мужа позволяла едва сводить концы с концами, если бы не помощь родного брата, жившего в большом поместье где-то на юге России, где тот имел, кроме пахотных земель, огромное стадо коров.

Дом Мякотиных пятью окнами смотрел на Наличную улицу, небольшую и уютную.

Штабс-капитан остановился перед входом, ему не нравились такие минуты, когда приходилось приносить обитателям плохие вести. Особенно такие, когда речь идет о возможной смерти сына. Василий Михайлович лелеял надежду, что госпожа Мякотина отмахнется от такой вести и с улыбкой произнесет: «Господь с вами, Сергунчик сегодня только отбыл в столицу».

Звонок глухо зазвенел внутри дома. Через несколько минут дверь распахнулась, представив взору Орлову совсем молоденькую девушку в белом переднике. Она улыбнулась статному, довольно привлекательному мужчине.

– Добрый день, – ее голос звучал звонким колокольчиком.

– Могу ли я видеть госпожу Мякотину? – Василий Михайлович по армейской привычке приложил руку к головному убору.

– Как о вас доложить?

– Штабс-капитан Орлов по частному делу.

– Подождите минутку, я доложу, – девушка отступила в сторону, пропуская Василия Михайловича в коридор. Не миновало и одной минуты, как девушка вернулась:

– Мария Алексеевна вас примет, разрешите ваше пальто.

Хозяйка оказалась дамой лет сорока с густой шапкой темных волос, в которые вплелись едва заметные седые пряди. Она с интересом посмотрела на гостя с военной выправкой.

– Чем могу быть вам полезна? – спросила женщина после приветствия. – Присаживайтесь, – она указала на диван, стоявший напротив кресла, в котором она сидела. – С кем имею дело?

– Простите, что не представился, – гость поднялся, – штабс-капитан Орлов. Госпожа Мякотина, – Василий Михайлович прикусил губу, так не хотелось быть вестником смерти, – скажите, у вас есть дети?

Хозяйка поначалу опешила, левая бровь непроизвольно поднялась вверх.

– Да, – после некоторой паузы произнесла она и добавила: – Странный вопрос.

Орлов не обращал внимания на последние слова хозяйки.

– Извините великодушно, но я – агент столичной сыскной полиции и имею к вам несколько вопросов.

– Опять мой Сергей что-то совершил?

– Вот о нем и пойдет речь.

– Значит, снова набедокурил, и что на этот раз? – по лицу дамы промелькнула тень беспокойства.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Семь дней тому.

– Он учится в гимназии здесь, в Кронштадте?

– Совершенно верно, но я отослала его в Петербург. Там надо было оформить несколько бумаг по поручению моего брата. Самой мне стало дурно, я отправила Серёжу.

– На сколько дней он отправился в столицу?

– На два-три.

– Вы не интересовались, почему он задержался там?

– Нет, иногда вместо нескольких дней он задерживался там дольше. Понимаете, там квартира моего брата. Молодым хочется иногда немного отвлечься от родительской опеки, вот я и не препятствовала тому, что он задерживался там. Тем более что он всегда присылал телеграммы.

– Так было и в этот раз?

– Да, но вы, господин штабс-капитан, объясните, что все-таки произошло с моим мальчиком? Он посажен под арест?

– Госпожа Мякотина, боюсь, дело обстоит гораздо хуже, – Василий Михайлович остановился и посмотрел в окно, не мог себя пересилить и взглянуть в глаза вдове.

– Господин Орлов, – повысила голос Мария Алексеевна, – что стряслось с Серёжей, в какую историю он попал?

– Вы можете проехать в столицу, чтобы опознать молодого человека, найденного вчера убитым?

Лицо хозяйки перекопилось, она прикрыла рот рукой, глядя на гостя испуганными глазами.

– Нет, нет, – сделал попытку успокоить Марию Алексеевну Орлов. – Может быть, это не ваш сын, при нем не было документов, а только квитанция об отправленной телеграмме.

– Серёжа... – только и произнесла вдова, но потом взяла себя в руки, лицо стало непроницаемым, словно гипсовая маска. – Когда надо... опознать? – голос стал хриплым до неузнаваемости.

– Если возможно, то сегодня или завтра.

– Хорошо, но я, видимо, не перенесу вида... моего сына, – она запнулась, и на глазах выступили слезы, но быстро взяла себя в руки. – Поедет Венедикт.

– Венедикт?

– Да, это мой средний сын, он на год младше Серёжи, – Мякотина вновь запнулась.

– Когда он сможет приехать?

– Завтра с утра... Первым пароходом.

– Я напишу адрес сыскного отделения.

Мария Алексеевна промолчала.

– Скажите, госпожа Мякотина, у Сергея были приятели в Петербурге?

– В доме, где находится квартира брата, Серёжа был дружен с сыном статского советника Нартова.

– А здесь, в Кронштадте?

– Не могу сказать, но, скорее всего, нет. У нас никто не бывал, приходили мальчики только к Венедикту.

– Ваш брат проживает в столице?

– Нет, – устало проговорила Мария Алексеевна, сраженная новостью, принесенной Орловым. – Мой брат имеет квартиру здесь, в столице, на Сергиевской, в доме господина Ромолова, сам же проживает в имении в Херсонской губернии.

– Квартира пустует?

– Нет, там постоянно живет прислуга брата.

– Не скажете, какие бумаги должен был оформить Сергей?

– Толком не знаю, что-то у поверенного, Николай Алексеевич хотел, чтобы Сергей пошел по юридической стезе, поэтому и давал иногда поручения моему сыну, – госпожа Мякотина приложила к глазам платочек.

– Не подскажете фамилию поверенного?

– Подгородецкий, он ведет все наши дела в столице.

- Я могу поговорить с Венедиктом?
- Можете, но он сейчас в гимназии, – и упавшим голосом добавила: – Где учился вместе с Серёжей.
- Простите за трагическую весть, но, может быть, найден не ваш сын... Не буду более тратить вашего времени. Позвольте последний вопрос, – штабс-капитан поднялся, – имя, отчество вашего брата?
- Николай Алексеевич Ребров.
- Разрешите откланяться, – Василий Михайлович кивнул головой и направился к выходу.

* * *

Хотя до отправления парохода оставалось время, штабс-капитан решил не возвращаться в гимназию, а завтра не только предъявить тело для опознания Венедикту, но и переговорить с ним. По дороге он остановился, словно перед ним появилась невидимая стена, и направился в обратном направлении, в гимназию.

Тот же дворник делал вид, что занят делом, исподлобья взглянул на гостя и снова лениво провел метлой по двору, выложенному булыжником.

Господин Добронравов встретил посетителя уже не так любезно, а недобрым взглядом, не сулящим ничего хорошего.

– Я вас слушаю, господин Орлов, – процедил инспектор сквозь зубы, словно испытывал зубную боль.

– Мне хотелось бы получить ваше разрешение на беседу с одним из ваших воспитанников.

Иван Ильич смирившись, даже лицо подобрело, что сыскной агент не требует, а просит разрешения. Поначалу Добронравов решил отказать настойчивому штабс-капитану, а потом решил, что лучше с полицейским управлением не искать ссоры. Пусть разговаривает, неужто от этого дисциплина в порученном заведении станет хуже?

– И с кем из моих воспитанников?

– С Венедиктом Мякотиным.

Инспектор объяснил, где найти класс, в котором в данную минуту проходил урок математики, где присутствовал Венедикт Мякотин. Учитель позволил Венедикту выйти из класса только после того, как Орлов сослался на позволение инспектора гимназии.

Брат Сергея Мякотина оказался довольно высоким мальчиком с нескладной фигурой. Серые глаза с удивлением уставились на незнакомца, вопрошая, что тому понадобилось, вроде бы провинностей за ним нет.

– Венедикт, я – агент сыскной полиции штабс-капитан Орлов, – начал Василий Михайлович.

Мальчик вжал голову в плечи.

– Мне хотелось бы поговорить о твоём брате.

– Каком? – Лицо Венедикта оживилось от облегчения, что речь пойдет не о нем, но тень беспокойства осталась.

– Что каком?

– Каком брате – о Сергее или Мише?

– Ах это, – только сейчас Орлов сообразил, что у госпожи Мякотиной три сына, – о Сергее.

Венедикт кивнул головой, но глаза недобро засветились.

– Скажи, с кем из воспитанников был дружен Сергей?

– Ни с кем, – ответил мальчик. – Он считает, что с ним учатся не очень приятные личности, которые не заслуживают его дружбы.

– Но что-то он рассказывает о тех, с кем учится?

– Нет, он старается никого не замечать.

– В столице есть у него приятели?

– Так вы у него самого и спросите, – мальчик хотел что-то добавить, но сдержался, посмотрев исподлобья.

Василий Михайлович понял, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут, мальчик будет либо молчать, либо кивать на брата, что пусть тот и отвечает.

– Хорошо, Венедикт, можешь идти в класс.

Теперь нужно отбывать в столицу, более сведений не получить, конечно, можно поговорить с воспитанниками, где Сергей учился, но уверенность Орлова росла, что бесполезно это делать, нового ничего узнать не удастся.

На пристань Василий Михайлович пришел за четверть часа до отплытия.

Поднялся по скрипучему трапу и опять остался на палубе, поправил ворот, но потом все-таки решил сходить в буфет, с утра у него не было во рту маковой росинки. Надо было, кроме всего прочего, подумать о том, что довелось услышать. Видимо, в самом деле, Мякотин-старший был скрытным малым. Так сказать, сам в себе, и поэтому не любил выставлять себя напоказ, либо слишком заносчив с таких молодых лет.

Мясо, которое принес официант Орлову, было мягким и с такой долей перца, которая нравилась штабс-капитану. Он без колебаний заказал еще одну порцию и теперь блаженствовал, маленькими глотками отпивая из чашки ароматный кофе. Уходить из теплого буфета не хотелось, поэтому Василий Михайлович просидел за столом до самого прибытия на пристань у 8-й линии Васильевского острова.

Глава седьмая

В сыскном

Подъезжая к сыскному отделению, Василий Михайлович чувствовал некоторую усталость более от проведенных на пароходе часов, нежели от хождения по незнакомому городу. Дотоле Орлов никогда не посещал Кронштадта. Город ему не понравился, безликий, напоминающий столицу, хотя ранее в свободные от службы часы Орлов имел желание посетить остров Котлин, но так и не удосужился...

В сыскном отделении царил покой, не то что в иных учреждениях, где постоянная сутолока суетящихся сотрудников, неизвестно чем занимающихся или наигранно демонстрирующих собственную значимость, наводила на мысли о чрезмерной занятости работников.

Василий Михайлович кивнул головой дежурному чиновнику в знак приветствия, приложил руку к головному убору и быстрым шагом поднялся на второй этаж, где находился кабинет Путилина, чтобы отчитаться перед начальником за поездку в Кронштадт.

Штабс-капитан постучал и, не дожидаясь приглашения, отворил дверь.

– Иван Дмитрии, позвольте? – спросил скорее для виду, чем по необходимости.

– Василий Михалыч! – обрадовался начальник сыскного отделения, оторвал глаза от бумаги, которую держал в руках, словно давно поджидал агента с докладом. Несмотря на ранний час, по другую сторону начальственного стола сидел помощник Ивана Дмитриевича – Жуков. На лице Миши читалось выражение скорее скуки, нежели усталости.

– Чем порадуете? – Путилин, казалось с большой охотой отложил документ в сторону, уставившись на Орлова.

«Не иначе очередной циркуляр из канцелярии градоначальника либо из министерства», – подумалось штабс-капитану. Он помолчал, собираясь с мыслями, и, подойдя к окну, то ли в подражание начальнику, то ли просто неосознанно, начал отчитываться за вояж в Кронштадт.

– В Кронштадте проживает вдова статского советника Мякотина, которая имеет сыновей, учеников местной гимназии. Один из них, Сергей, был послан неделю тому в столицу по делам дяди, именно он послал телеграмму, квитанцию об отправлении которой обнаружил Михаил в гимназическом сюртуке. Завтра утром прибудет брат Сергея Венедикт для опознания найденного тела.

– Почему не сама госпожа Мякотина? – нахмурился Иван Дмитриевич.

– Мария Алексеевна болеет.

Путилин сжал губы, покачал головой, но через секунду произнес:

– Продолжайте, Василий Михайлович.

– Ничего ни плохого, ни хорошего в гимназии мне поведать не могли, слишком скрытным был Мякотин.

– Вы так уверенно говорите, что найденный непременно должен оказаться Сергеем.

– Да, – после некоторого молчания сказал Орлов. – Я уверен в этом, хотя хотелось бы ошибиться.

– Уж лучше иметь опознанного юношу, чем неизвестного, тогда следствие остановится на полпути, как с тем незнакомцем с Лесной улицы, – встрял в разговор Миша, но тут же смутился, что выдал чуть ли не очередную глупость.

Упомянутый Жуковым неизвестный был найден дворником одного из домов во дворе за поленницей дров. Ни документов, ни приметной одежды, ни каких-либо приметных пятен или родинок на теле, ничего. Тогда охватили расспросами чуть ли не всю округу, но никто в убитом знакомца не признал, а как вести расследование, когда неизвестного никто не видел? Словно с неба упал, так и похоронили как неизвестного.

– Оно верно, Миша, – тяжело вздохнул Иван Дмитриевич. – Но все-таки мы – отделение сыскное и должны преступников изобличать, а не расписываться в собственном бессилии, как в упомянутом тобой деле в Лесном. Продолжайте, Василий Михайлович.

– Рассказывать, впрочем, нечего, замкнутый юноша, ни друзей, ни врагов. Я думаю, надо начинать со столицы. Здесь Сергей частенько оставался один в квартире брата Марии Алексеевны господина Реброва.

– Совершенно один?

– Нет, в квартире постоянно проживает прислуга, сам же Николай Алексеевич обитает в херсонском имении.

– Значит, он давал поручения ученику гимназии? – с удивлением в голосе сказал Путилин.

– Господин Ребров имел планы дать Сергею юридическое образование, хотел, чтобы в их семье был свой присяжный поверенный. Вот поэтому и поручал племяннику такие дела.

– Не рановато ли?

Штабс-капитан только пожал плечами, подразумевая, что чужая семья потемки со своими мыслями и уставом.

– В котором часу приедет Венедикт?

– Я думаю, в полдень, – Василий Михайлович по пальцам правой руки переносицу, – в девять первый пароход, два часа по заливу и от Васильевского к нам, да, думаю, ближе к двенадцати часам.

– Вы имеете желание самому принять участие в опознании? – Иван Дмитриевич не отрывал взгляда от стола.

– Да, хотелось бы самому увидеть отношение между братьями: стоит ли доверять Венедикту.

– Что ж... – Путилин сощурил глаза, словно что-то прикидывал. – Я не против, только, Василий Михайлович, – тут он сделал паузу, – не напугайте юношу. Нынешнее поколение уж больно впечатлительное. Не дай бог, нервничать начнет. Сами понимаете, нам надо блюсти порядок и не допускать родственников к расследованию, иначе получится истинное безобразие.

– Иван Дмитрич, – Орлов подошел к столу и сел на стул, – позвольте встретить юношу, и сразу в анатомический театр?

– Пожалуй, вы правы, Василий Михайлович, поезжайте, встретьте Венедикта, – последнее слово прозвучало так, словно Иван Дмитриевич забыл имя среднего сына госпожи Мякотиной. – Знаю, что легче ему будет. Не знаю, какие отношения связывали братьев, но всё же родные.

– Хорошо, – произнес штабс-капитан, направляясь к выходу.

– Итак, Миша, что там стряслось на Николаевском вокзале? – последнее, что услышал Орлов. Ответ Жукова поглотила толстая дубовая дверь.

* * *

На пирс Василий Михайлович прибыл за несколько минут до швартовки судна. Пассажиров было немного. Среди спускавшихся по трапу был высокий юноша, зыркающий серыми глазами по сторонам.

Мякотин подошел к сыскному агенту, которого заметил будучи на борту парохода.

– Здравствуйте, господин Орлов, – поздоровался со штабс-капитаном Венедикт и покраснел, словно совершил что-то постыдное.

– Доброе утро! – ответил Василий Михайлович, и на его лице появилась улыбка. – Не утомила дорога?

– Отнюдь, – не сказал, а выдохнул юноша и добавил: – Не так часто мне доводится посещать столицу.

– Ты не против, если мы дойдем до анатомического пешком?

– Нет, – снова тяжело выдохнул Венедикт, без этого понятно, что гимназист имеет стремление отсрочить опознание тела, чтобы, не дай бог, узнать в нем брата.

– Сергей часто бывает в столице? – Орлов с умыслом сказал «бывает», чтобы в юноше жила надежда и не слишком он волновался в театре.

– Да, – после некоторой паузы произнес Венедикт. – Ему дядюшка благоволит и разрешает жить на квартире.

– А тебе?

– Исключительно с маменькой.

– Как часто бывает Сергей в столице?

– Простите, но я не отмечаю даты в календаре, – в голосе гимназиста послышались нотки скрытой обиды то ли на дядю, то ли на брата.

– Венедикт, – штабс-капитан шел, заложив руки за спину, – мной движет не праздное любопытство, а исключительно дела службы. Мне приходится много чего выслушивать, прежде чем в просеянном найти ту крупину, что поможет в нахождении преступника или его изобличении.

– Я понимаю, – Венедикт шел, не отрывая взгляда от мостовой, словно в самом деле напроказничал и сейчас стыдится своих поступков. – Сергей ведет себя очень тихо в присутствии маменьки и особенно дяди.

– Дяди?

– Дяди, – с обидой в голосе подтвердил гимназист, и Орлову показалось, что Мякотин процедил сквозь зубы. – А нас он и видеть не хотел.

– Когда ты видел Сергея в последний раз?

– Перед его самым отъездом в столицу.

– Он что-нибудь говорил?

– Нет, как всегда, с улыбкой и шутками, – Венедикт цедил слова сквозь зубы, словно муку сквозь сито, было видно, что брата не чествовал.

– Не страшно увидеть брата... мертвым? – не сдержался штабс-капитан.

Венедикт втянул голову в плечи, и было видно, что ему некуда деть мешавшие при ходьбе руки.

– Нет, – едва слышно произнес Венедикт. – У каждого из нас своя судьба.

– Рановато ты о судьбе-то, – Орлов улыбнулся уголками губ.

– Господь дал, Господь взял, – гимназист не поднимал головы. – Все мы смертны, кто раньше, кто позже, все там будем.

Интересно было слышать от столь юного создания такие рассуждения, не иначе Венедикт прожил жизнь и теперь на склоне лет готов был поделиться мыслями.

До анатомического театра шли больше не произнеся ни слова. Штабс-капитан украдкой поглядывал на гимназиста, отмечая серьезное лицо юноши и неприсущую в таком возрасте глубокую морщинку над переносицей.

В анатомическом театре, расположенном в Императорском Университете, Венедикт вел себя спокойно, никакого волнения. Складывалось впечатление, что перед ним на металлическом столе лежит не тело погибшего человека, а кукла в полный рост, хотя и без головы.

Перед самым опознанием Мякотин указал, что на икре левой ноги Сергея рваный шрам, оставшийся от детской шалости, когда они полезли в недостроенный дом и там брат наткнулся на толстый гвоздь и с испугу дернул ногой так, что разорвал не только кожу, но и мышцу. Довольно долго лечился, но, слава богу, все обошлось. При этих словах взглянул Венедикт на тело и только в эту минуту перекрестился, но во взгляде не мелькнуло ни капельки сочувствия

к безвременной кончине брата. Только перед самым выходом из анатомической залы тяжело вздохнул, бросил какой-то непонятный для Орлова взгляд, в котором невозможно было прочитать ни единого чувства, владевшего гимназистом.

Глава восьмая

Неспешная поступь

Иван Иванович Соловьев, надворный советник и кавалер Станислава третьей степени, поднялся, как говорят, ни свет ни заря в весьма благодушном настроении, и это несмотря на вчерашний суматошный день в Стрельне, который, по чести говоря, порядком вымотал. Выкушал стакан горячего чая с пирожками, испеченными накануне днем кухаркой, просмотрел заново вчерашние газеты, выискивая в них интересное. Нетерпеливым взглядом поглядывал на едва бегущие по циферблату стрелки. Почтовое отделение при Варшавском вокзале открывало двери для обывателей в восемь часов. Вряд ли можно застать ответственных лиц ранее сего часа, рассуждал Иван Иванович и, не выдержав, накинул верхнее платье. На улице кликнул извозчика и, удобно устроившись на медвежьей шкуре, произнес:

– На Варшавский.

Город давно пробудился ото сна, по улицам сновали торговцы, расхваливая товар, письмоводители и мелкие чиновники, подняв воротники и поеживаясь от утренней прохлады, спешили на службу.

Надворный советник расплатился с извозчиком и сошел на выложенную булыжником мостовую на площади слева от вокзала. Люди, словно муравьи в улье, сновали кто куда – кто спешил на поезд, кто только приехал и теперь направлялся в город.

– Прощения-с просим, господин надворный советник, – развел руками почтовый чиновник, выделяя это «надворный советник», и на лице появилась лисья улыбка, – без позволения господина Вербицкого никак невозможно вам помочь.

– Где я могу найти господина Вербицкого? – Иван Иванович теперь в подражание чиновнику выделил фамилию начальника почтового отделения.

– Так пройдете по коридору и в самом конце дверь коричневую увидите, вот за нею и восседает наш Никифор Трофимыч, – и лисья улыбка стала еще гаже. Лицо словно бы вытянулось, заострилось.

Соловьев прошел по длинному коридору, освещенному весенним утренним светом сквозь чистые стекла без единого пятнышка. Постучал и, не дождавшись ответа, отворил дверь, ступил в кабинет.

Никифор Трофимыч, сидевший за столом, поднял голову и с удивлением посмотрел на раннего посетителя, видимо, визитами начальника почтового отделения не баловали. Иван Иванович ожидал увидеть человека в летах, обремененного долголетней службой и уставшего от нее. Из-за стола поднялся довольно молодой мужчина в отутюженном мундире зеленого цвета с начищенными пуговицами.

– Доброе утро! – Молодой человек одернул полы мундира. – Чем могу быть полезен?

– Надворный советник Соловьев, – представился Иван Иванович, – чиновник по поручениям при отделении сыскной полиции.

– Любопытно, – произнес с еще большим удивлением Вербицкий, – я никого не вызывал и никаких происшествий, способных заинтересовать ваше ведомство, у нас не случилось.

– Я по делу службы.

– Вас слушаю. Присаживайтесь, – Никифор Трофимович указал на стул, стоящий перед столом.

– Благодарю, господин Вербицкий.

– Можно просто Никифор Трофимович, – начальник почтового отделения покраснел, – я только исполняющий должность и не привык к официальному обращению.

– Хорошо, – улыбнулся Соловьев, – не буду вас задерживать. Вот... – он достал из бумажника квитанцию и положил перед Вербицким. – Помогите мне выяснить, кем и когда была отправлена телеграмма.

– Только-то, – с облегчением вздохнул начальник. – Это я мигом, – он вскочил из-за стола и быстрым шагом пересек кабинет. Обернулся у самой двери и смущенно произнес: – Простите, ради бога, я еще не привык к новому положению, – и скрылся за дверью.

Ждать пришлось около пяти минут, в течение которых Иван Иванович с интересом рассматривал кабинет, где кроме стола, покрытого зеленым сукном в цвет мундиров почтового ведомства, трех стульев, большого шкапа, сквозь стекла которого проглядывались корешки Свода законов с золотым тиснением, и двух небольших картин – на одной изображена несущаяся тройка, видимо символизирующая быстроту доставки почтовых отправлений, на второй – заснеженный лес. Обязательного в чиновничьих кабинетах портрета государя Иван Иванович не обнаружил.

– Вот, – дверь распахнулась, и в кабинет влетел хозяин. – Вот, – повторил Вербицкий еще раз и положил перед Соловьевым квитанцию и поверх нее листок бумаги, а потом затараторил: – Здесь я написал, кто отправил, когда, то есть какого числа, в котором часу и кому. Да, принимающий телеграмму Иванов сказал, что гимназист был не один, и запомнил потому, что они шумели, громко переговаривались и притихли после того, как им сделал замечание какой-то господин.

В кабинете воистину воцарилась тишина.

– Иванов не запомнил, сколько было молодых людей и сможет их опознать?

– Господин Соловьев, я приведу Иванова, и он сам вам расскажет.

– Хорошо.

Через минуту дверь распахнулась, и на пороге появился маленький щуплый человек неопределенных лет с бегающими глазками и обветренным лицом.

– Иван Иванович Иванов, – представил исполняющий должность начальника почтового отделения.

– Так, голубчик, – Соловьев осмотрел вошедшего внимательным взглядом с головы до пят, – расскажи-ка про тех молодцев, что были с гимназистом.

– С Мякотиным? – уточнил Иванов.

– Так точно.

– Двое их было, а вот как выглядели, не помню. У меня память больше по фамилиям да именам, а вот лица, извините, не слишком.

– Ты говорил, шумели они?

– Истинно так, словно из лесу приехали и города не видели.

– Может, помнишь, в гимназических тужурках они были или нет?

Иванов на секунду задумался, даже глаза закрыл.

– Нет, в цивильном платье.

– Точно в цивильном?

– Вот вам крест в цивильном, – и Иванов перекрестился.

– Ты бы их распознал, если тебе их показать?

– Никак нет, – Иванов посмотрел в пол, словно провинившийся ребенок. – Фамилии – другое дело, а вот лица... На них памяти нет.

– Ладно, ступай, – Соловьев поднялся со стула, – постой, – ему пришла нелепая мысль, – ты говорил господину Вербицкому, что какой-то господин сделал гимназисту замечание, не помнишь его?

– Дак он сразу за гимназистом отправлял телеграмму, его фамилия, – Иванов вскинул брови кверху, – Степанов... отправлял телеграмму... Сейчас, сейчас... В Гатчину, да, да, в

Гатчину отправлял, по адресу, – и продиктовал адрес, – а запомнил его оттого, что тепло на улице, а он в шубе.

– Более ничем молодые люди не запомнились?

– Никак нет, ничем.

– Ступай, – когда Иванов вышел, Соловьев произнес: – Благодарю, господин Вербицкий, за помощь.

* * *

Улица встретила надворного советника городской суетой, словно окунулся в воды холодной до озноба реки.

Степановых в столице пруд пруди, поэтому стоит начинать с Гатчины, оттуда наверняка укажут, где искать господина в шубе. Может быть, он запомнил молодых людей, а, может, что и из их разговора. В начале расследования, как говорит Иван Дмитриевич, надо хвататься за любую ниточку и тянуть ее, пока она не закончится, либо выведет к клубку.

Соловьев вернулся и отправил телеграмму в Гатчину попросив, чтобы ответ направили на адрес сыскного столичного отделения.

* * *

– Иван Иванович, вы вовремя, – вместо приветствия произнес Путилин, сидевший в излюбленном кресле со скрещенными на груди руками. – Присаживайтесь, – кивнул подбородком на свободный стул. – Докладывайте, что у вас.

– Телеграмма послана четвертого числа сего месяца Сергеем Мякотиным, одетым в гимназическую тужурку, Марии Алексеевне, проживающей на Наличной улице. С Сергеем в почтовом отделении было еще двое, видимо, знакомых.

– Это уже след, – потер руки Иван Дмитриевич. – Вы чем порадуете, Василий Михайлович?

– Убитый в самом деле Сергей Мякотин, его опознал брат Венедикт.

– Лицо же порезано? – не сдержался помощник Путилина Жуков.

– По рваному шраму на ноге, – бросил штабс-капитан хмурый взгляд на Мишу.

– Понятно, – разочарованно произнес помощник.

– Я разговаривал и с госпожой Мякотиной, и со смотрителем гимназии, и с соучениками убитого. Ничего о нем сказать не могли, кроме того, что был замкнутым и не имел не то что близких, никаких приятелей.

– Любопытно, – добавил Соловьев, – но Сергей в почтовом отделении был не один, их запомнил чиновник потому, что они шумели.

– Этих двоих сможет опознать ваш чиновник?

– К моему прискорбию, нет, но он запомнил фамилию господина, который сделал замечание молодым людям, – и, предвосхищая вопрос Путилина, Соловьев сказал: – Я занят поисками этого господина.

– Немного, но уже кое-что есть, – подвел итог Иван Дмитриевич. – Отсюда следует, что вы, Иван Иванович, занимаетесь поисками господина, сделавшего замечание, и гимназистов...

– Они не были в форменном одеянии.

– Будем их называть так.

Соловьев пожал плечами.

– Пусть будет так.

– Миша, ты съездишь в Стрельну и расспросишь про трех молодых людей, одного в гимназической тужурке и двоих в гражданской, так, Иван Иванович?

– Совершенно верно.

– Вам же, Василий Михайлович, надо посетить квартиру господина Реброва, дяди нашего убиенного. Возможно, что-то расскажет служанка, возможно, дворник, может быть, и соседи. Так что более не смею вас задерживать, господа, и жду с добрыми новостями.

Глава девятая

Птичник с Петербургской

– Иван Дмитрич, – дежурный чиновник стоял на пороге, – прибыл полицейский из первого участка Петербургской части...

– Убийство, небось, – тяжело вздохнул Путилин, нахмутив брови, и, не дожидаясь ответа, резко поднялся, оттолкнув кресло.

– Так точно, у Сытнинского рынка.

– Жуков уехал?

– Нет еще.

– Передайте, чтобы ждал меня у входа, мое задание для него нынче отменяется.

– Хорошо, – и чиновник кивнул, что, мол, все передаст младшему помощнику.

Путилин поднял руку к лицу, словно что-то забыл, потом взял трость и направился к выходу.

Жуков прохаживался вдоль коляски, которую остановил, чтобы отправиться без задержки на Петербургскую сторону.

Присланный полицейский отбыл, как приказал ему помощник пристава, после доклада о происшествии дежурному чиновнику. Узнать подробностей дела было не у кого, у Ивана Дмитриевича испортилось настроение.

* * *

До Мытнинского рынка домчались быстро, Путилин всю дорогу созерцал немигающим взглядом спину возницы. Миша старался не касаться начальника, хотя в коляске и было тесно.

Остановились они перед домом. Там толпились любопытствующие и соседи, наслышанные о кровавом злодеянии. Слухи распространяются быстро, и поэтому в толпе было озвучено с десяток самых нелепых версий случившегося.

На тротуаре Иван Дмитриевич тихонько толкнул Жукова в спину, Миша понял, что необходимо послушать, что говорят обыватели. Сам же Путилин направился к одноэтажному деревянному дому, перед крыльцом которого прохаживался высокий, как коломенская верста, полицейский. При приближении начальника сыскного отделения он браво вскинул руку к околышу фуражки. Путилин в ответ кивнул и поднялся по трем ступеням.

Тусклый дневной свет освещал через открытые двери длинный коридор без окон, из одной из комнат слышались глухие голоса. Иван Дмитриевич осмотрелся, тронул тростью темное пальто, висевшее при входе на гвозде, и направился к открытой двери.

– Господин Путилин, – навстречу Ивану Дмитриевичу шагнул мужчина, выделявшийся среди присутствующих молодостью и копной светлых волос, – добрый день!

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал начальник сыскной полиции присутствующих. – Хотя какой день добрый, если такое происходит.

– Помощник пристава Холодович, – отрекомендовался молодой человек и тихим голосом добавил: – Коллежский регистратор. – На щеках, завоеванных темными редкими волосами, выступили алые пятна, словно Иван Егорович стеснялся столь малого чина. – Пристав штабс-капитан Мироненко находится в отпуску.

Путилин кивнул головой.

– Коллежский советник Шрейбер, – представил участкового врача Холодович.

– Мы знакомы, – врач расплылся в улыбке, демонстрируя белоснежные зубы. – Познакомились при столь же печальных событиях.

– Совершенно верно, Вильгельм Иванович, если мне не изменяет память, то на Большом...

– Да, да, бедный Чернов.

– Что ж, господа, воспоминаниям будем предаваться потом, а нынче, – Путилин на миг сжал губы и продолжил, смотря в глаза помощнику пристава, который под внимательным взглядом Ивана Дмитриевича еще более покраснел: – Так что стряслось?

– Убит хозяин дома некий Синицын, – Холодович прокашлялся. – Шестидесяти трех лет, вдовый. Может быть, нам пройти в комнату, где совершено злодеяние?

– Так будет лучше, – согласился Путилин.

Комната, служившая убитому спальней, была небольшой. Там кроме узкой кровати в углу приткнулся шкаф с открытыми дверцами и стул, видимо исполнявший роль тумбочки.

Старик лежал на спине посреди комнаты, раскидав руки по сторонам, словно напоследок пытался обнять оставленный мир. По правую сторону от убитого лежал старый потертый ремень, слева – молоток с частицами кожи и волос на рабочей части. Путилин склонился над трупом, рукой в перчатке отодвинул с шеи бороду под седыми густыми волосами виднелась темная полоса.

– Старика поначалу душили, – врач подошел к единственному в спальне окну. – Он даже не сопротивлялся, видимо, не ожидал от знакомого такой подлости.

– Да, – тихо произнес Иван Дмитриевич. – Незнакомца он не впустил бы в спальню и тем паче не повернулся к нему спиной.

– Убийца после того, как придушил старика, не ожидал, что тот может очнуться. Схватил молоток и нанес смертельный удар.

– Схватил первое попавшееся? – задал вопрос Холодович.

– Отнюдь, – Путилин поднялся, – молоток принесен злодеем, – обвел спальню взглядом, – нет, нет, старик не мог разбрасываться инструментом. Вы заметили, – Иван Дмитриевич вновь посмотрел на помощника пристава, – у хозяина везде порядок, несмотря на погром убийцы. Этот что-то искал ценное, поэтому именно он принес молоток, приготовил орудие убийства заранее. Что известно о Синицыне?

– Как я сказал, шестидесяти трех лет, вдов, имел птичью будку на Сытнинском рынке, целые дни проводил там.

– Кто обнаружил убитого?

– Внучка Софья, изредка приходила к деду, наводила порядок и иногда готовила. Вы можете с ней сами поговорить, – Холодович оживился, – она еще здесь. Позвать?

– Не стоит, – Путилин поморщился, словно хотел сказать, что при убитом не следует это делать. – Старик в вашем распоряжении, – сказал врачу Иван Дмитриевич. – А вы, господин Холодович, прикажите увезти убитого в анатомический.

– Я больше не нужен? – Вильгельм Иванович надел шапку.

– Нет, я вас не смею задерживать, далее уже наша работа.

– До свидания, – врач коснулся рукой головного убора и вышел.

Путилин снова окинул взглядом спальню. Одеяло и простыни сбиты, словно убийца надеялся найти под ними золотые копи, дверцы шкафа открыты, и на полках беспорядок. Явно убийцы искали либо деньги, либо ценные вещи. Придвинули стул ближе к шкафу, чтобы проверить и наверху, не спрятано ли что там.

Когда унесли убитого, Путилин попросил пригласить Софью. В спальню несмелыми шагами вошла девушка лет шестнадцати, с испуганным лицом и слезами на глазах, которые вытирала маленьким кулаком.

– Здравствуй, – Путилин подошел к Софье и вынутым платком из кармана вытер ее щеки и глаза, – теперь ничего невозможно исправить, смерть, она за каждым из нас придет в назначенный час, а вот сейчас в твоих силах нам помочь поймать этого нелюдя.

– Я? – удивилась девушка. – Чем же я могу помочь, ведь никого не встретила, да и пришла к деду, когда...

Рука Ивана Дмитриевича вновь прошла по щекам девушки.

– Ты часто бывала здесь?

– Каждую неделю по два-три раза.

– Вот, – начальник сыска смотрел в глаза Софьи участливым взглядом. – Тогда ты наверняка сможешь сказать, что исчезло.

– Смогу, – кивнула девушка.

– Господин Холодович, записывайте, – обратился Путилин к помощнику пристава.

Иван Егорович нервно засопел, но приказание начальника сысканого отделения исполнил. Полицейский из участка принес перо, чернила и бумагу, и теперь носил чернильницу за Холодовичем.

Прошли три комнаты дома, не исключая и кухни. Список оказался невелик, несколько серебряных безделушек, носильные вещи старика и шкатулка, в которой Сеницын хранил свои сбережения.

– Скажи, Софья, почему ты не жила с дедом? – спросил уже при выходе из дома Путилин. Девушка опустила голову и покраснела.

– Мне отец не разрешал, они с бабушкой поссорились и знать друг дружку не хотели, вот я с вехом матушки сюда и навехивалась.

– А где проживаешь?

– На Двадцать Пятой линии... Только не говорите батюшке, что встретили меня здесь, иначе... – и она до крови прикусила нижнюю губу.

– Обещаю, – сказал Путилин. – Но если понадобится, тебя найдет мой помощник. Вот и он.

К Путилину со спутницей приближался Михаил с хитринкой во взгляде, словно узнал в толпе что-то стоящее.

– Ну, ступай, – Иван Дмитриевич легонько подтолкнул в плечо Софью. – Вижу, вижу, что новости несешь. Давай, братец, просвещай меня по нашему, ставшему теперь таковым, делу.

– Погодите, Иван Дмитриевич, – Жуков зашептал Путилину на ухо. – Видите, кого помощник пристава в сторону отводит?

– Неужели Петька Голдыш? – изумился начальник сыска.

– Он самый, – подтвердил Миша. – Посмотрите на его лицо. Неспроста он здесь появился! Ох, неспроста.

– Думаю, ты прав. Пока с ним господин Холодович беседует, рассказывай, что удалось узнать? Вижу, так и пышешь сведениями.

– Кое-что удалось узнать, – таинственно прошептал Жуков.

– Не томи.

– Серафим Елантьевич Сеницын жил бобылем...

– Это я знаю, далее.

– Имел будку на Сытинском рынке, где торговал птицами. Говорят, что деньги у него водились, но самое главное, что день тому ныне убитый приходил к околочному и жаловался, что днем к нему в дом залезли воры и украли вещей на тридцать целковых, даже ризы сорвали с икон, видимо подумали, что они золотые. Но околочный Сазонов только посмеялся над стариком и заявил, что тому привиделось.

– Любопытно.

– Вот именно, Сазонов даже не ходил в дом, когда старик заявил, что дверь не взломана, стекла целы.

– Голдыш?

– Может быть, он же по таким делам.

– Поговорю с Холодовичем, я видел, как он то ли целковый, то ли трешку сунул Петьке. Подходить к помощнику пристава не пришлось, он сам подошел к начальнику сыска.

– Я думаю, дело скоро разрешится наилучшим образом, – лицо Холодовича светилось удовольствием, и глаза блестели от удовольствия, что, мол, и без сыскной обойдусь.

– Уж не с Петькиной ли подачи? – Путилин смотрел не на Ивана Егоровича, а за Голдышем, наблюдая за поведением и чувствами, читаемыми на круглом со шрамом над верхней губой лице, а самое главное, Иван Дмитриевич не упускал из виду взгляд Петьки, какой-то настороженный и цепкий.

– Да, – признался помощник пристава, – он мне доложит об убийцах, сегодня разузнает.

– Убийцах? – Путилин прикусил губу.

– Так точно, я ему сказал.

– Понятно, пойду все же с ним поговорю.

– Господин Путилин, вы отбиваете у меня агентов, – обиженно произнес Холодович.

– Я только перекинусь несколькими словами.

Иван Егорович тяжело задышал, словно остался недовольным, что столичный сыскной начальник стремится отобрать у него лавры нашедшего убийц.

Иван Дмитриевич вальяжной походкой большого начальника подошел к Петьке Голдышу и, взяв за руку, отвел подальше от любопытствующей толпы.

– Ну, здравствуй, Петя, – слащавым и нежным голосом проворковал Путилин, когда они отошли подальше.

– Здравия желаем, ваше превосходительство, – громким голосом ответил Голдыш.

– Не на параде, не кричи, забыл мое имя-отчество? – поморщился Иван Дмитриевич и добавил: – Какими судьбами?

– Никак нет, Иван Дмитрич, не забыл, – Петя сглотнул скопившуюся слюну. – Вот шел на рынок, увидел – толпа стоит, вот любопытство верх и взяло.

– Ясенько, – теперь они стояли друг против друга, и Путилин внимательным взглядом следил за глазами и лицом Голдыша, – уж не твоих ли рук дело?

– Да что вы, Иван Дмитрич, – глаза забежали, и казалось, что собеседник Путилина втянул голову в плечи. – Вы знаете ж, я по другой части. Ну, там замок взломать, шапку с головы сорвать, пьяного обчистить, а чтоб кровью руки марать... Ни в жисть.

– Кто знает, Петя, на что человек способен, – взгляд начальника сыска прямо-таки буравил Голдыша. – Сегодня шапку сорвал, а завтра голову.

Голдыш посерел лицом.

– Ладно, Петя, ступай, раз помощнику пристава обещал злодеев указать, ступай.

Глава десятая

По горячему следу

– Вот что, Михаил Силантич, – Путилин всегда в задумчивости обращался так к Жукову – на соседней улице проживает в небольшом домике с приметной зеленой крышей Двойра Бройде, хотя она и швея, но не брезгает скупать вещи, не интересуясь, каким путем они достались новым владельцам. Бери двух наших агентов и установи за ней наблюдение, и чтоб каждую минуту была она под надзором. Думаю, Петька или его напарник явятся к ней.

– Иван Дмитрич, а что к ней? Есть же и другие скупщики.

– Чую, что к ней направит стопы Голдыш.

– Все-таки он?

– Миша, – Путилин потер нос рукой, – ты бы видел, как бегали его глазки, судорожно глотал слюну, словно ждал, что я кликну полицейских и его арестую, только кроме подозрений мне нечего ему предъявить.

– Значит, Двойра?

– Она... Ее сразу узнаешь. Дорожная женщина с круглым лицом и черными цыганскими волосами.

– Понятно.

Более делать на месте преступления было нечего, и, откланявшись, Путилин отправился в сыскное отделение. Дорогой перебирал слова Голдыша и вспоминал выражение его лица, нервное поведение. В конечном итоге он склонился к мысли, что Петька не зря прятался в толпе, видимо, отводил от себя подозрение. Кто ж в здравом уме вернется на место преступления? А ежели кто из соседей его видел и тут же в толпе признает? Конфуз настоящий выйдет, а помощник пристава, вместо того, чтобы вести расследование, имеет доверие к таким личностям, как Петька Голдыш, или как его по паспорту? Ткаченко Петр Иванов, крестьянин, тридцати восьми лет, неженатый, осужденный за кражу и присвоение чужой недвижимости мировым судом второго участка Пирятского округа по вроде бы сто шестьдесят девятой и сто семьдесят седьмой статьям Уложения о наказаниях на три месяца, далее, Иван Дмитриевич на миг задумался, ах да, присужден Санкт-Петербургским окружным судом за кражу первого рода на основании первой части тысяча шестьсот сорок седьмой, второго пункта сто тридцать четвертой статьи Уложения, восемьсот двадцать восьмой Устава уголовного суда и прочая, прочая на арестантское отделение на один год и три месяца. Боже, взмолился Путилин, сколько в голове сидит сведений, хоть к журналисту сыскальной полиции не ходи, все помнит, а если и не помнит, так всплывает непонятно откуда.

Не успел Путилин повесить пальто, как в дверь раздался требовательный стук.

Не иначе вышестоящее начальство прознало про происшествие на Петербургской стороне, мелькнуло в голове, и вылетела мысль прочь.

Вместо того чтобы голосом пригласить войти стучащего, Иван Дмитриевич сам отворил дверь.

На пороге стоял, подняв руку вверх, чтобы еще раз громоподобно постучать, адъютант помощника градоначальника генерала Козлова ротмистр Семичев.

– Позволите? – адъютант опустил руку.

– Пожалте в мои хоромы, – Иван Дмитриевич отступил в сторону, пропуская поручика.

– Иван Дмитриевич, я вот по какому делу, – ротмистр прошел к столу и сел на стул. Закинул ногу на ногу. – Вы же знаете, что доброхотов в нашем ведомстве много, особенно ваших, вот градоначальнику и доложили о зверском убийстве на Петербургской стороне, и с такими подробностями, словно сами это преступление и совершили, – Семичев засмеялся. – Имейте в виду этих доносителей в виде подозреваемых. Так вот, Александр Александрович

советует не затягивать с поимкой убийцы, сами понимаете... – и рука в перчатке указала куда-то вверх.

– Я все понимаю, – Путилин шумно опустил в кресло, – и прошу три дня, чтобы в течение них меня никто не беспокоил, – пришла очередь Ивана Дмитриевича указать пальцем вверх.

– Иван Дмитриевич, трех дней будет довольно? Вы же понимаете, что помимо Александра Александровича и Федора Федоровича найдутся доброты, которые доложат государю не в лестных словах о бездействии сыскальной полиции.

– Достаточно.

– Тогда не смею вас отвлекать от поисков злоумышленников, – Семичев поднялся, надел фуражку, потом поправил ремень и, приложив руку к козырьку, сказал: – Честь имею!

Путилин откинулся в кресле, повернув голову в сторону окна. Настроение не давало повода для веселья.

«Что за служба? – чертыхнулся он. – Каждый раз одно и то же, словно кто-то ходит по пятам и учитывает только промахи, сделанные при расследованиях». Бог с ними, пронеслось и исчезло, а голова наполнилась мыслями о старике с Петербургской стороны.

Если за день до убийства кто-то сделал попытку ограбить Синицына, то почему сразу не прихватили вещи, шкатулку, серебро? Искали более ценное? И чтобы не привлечь внимания, взяли только незначительное? Нет, скорее всего, это были разные люди, и первые не нашли ценного. Но вот почему на следующий день взяли больше? Нашли? Были более удачливые? Значит, вторые не знали, что старик навел околотоchnого. Загадка. Со счетов все-таки не стоит сбрасывать Петюню Голдыша, то есть ранее судимого крестьянина Ткаченко. В том, что он замешан в дело, нет сомнений.

* * *

Миша, переодетый в рваную поддевку и без рубахи, третий час мерз на улице возле дома Двойры Бройде. Вроде бы шел апрель, днем солнце пригревало так, что хотелось остаться в одной рубашке, а под вечер все менялось. Рядом находился трактир, из которого доносился запах перегретого масла, лука и чеснока, покосившееся крыльцо само говорило о нерадивых хозяевах.

Сыскальной агент, взятый в помощь Жуковым, находился по другую сторону от дома скупщицы, чтобы иметь возможность видеть черный ход.

Ближе к полуночи Мише наконец улыбнулась изменчивая судьба, вышедшие из трактира два подвыпивших, небрежно одетых мужчины в разговоре упомянули имя «Петька». Жуков напряг слух и шатающейся походкой, насколько было возможно, приблизился к беседующим.

– А я, Гришка, все ж молодец, что не пошел вчера с Петькой на работу, – пьяно проговорил вышедший и, достав из кармана красненькую бумажку, похвалился: – Вот червонец мне отвалил, а мне больше не надо.

– Ты про Голдыша говоришь? – спросил тот, которого назвал собеседник Гришкой.

– Дак про кого еще?

– Моли бога, что не был с Петькой.

– А что?

– Не знаешь, куда тебя он звал?

– Не-а, – икнул безымянный.

– Тебе, Васька, повезло, – и Гришка понизил голос, приблизив лицо к уху собеседника, – что вчера в участке ночевал, не то вся полиция на ногах, убийцу ищет.

– Убийцу? – поперхнулся Васька, и хотя его не было видно в темноте, но даже Миша почувствовал, как тот побледнел.

– Вот так-то! Ты глазищи свои залил, кабы самому в участок вновь тебе не попасть.

– Да что я? Я ж ничего...

– Оно так, а ты потом этим Расскажи, что с Голдышем не был, а он, гад, ухлопал птичника с Мытнинской.

Васька присвистнул.

– За Петькой крови никогда не было...

– Не было, а ныне вот целая река. Говорят, чуть ли не на куски порезали старика.

– Да ты что? Вот он мне червонец и отвалил, видно большой куш там взял. То-то я только Петьку встретил, а других нету сегодня.

– Так он не один там был?

– Не, с ним еще двое. Помнишь, утром, на Сенной мы Кузьку Добрянского встретили в пальто новом, сапогах.

– Это какой Кузька?

– Тот, что любит трубку сосать. Я ж и удивился, что всегда потертый ходил, а тут пальто справное, сапоги кожаные, – и Васька покачал головой, то ли от зависти, то ли от досады, что на дело с Голдышем не пошел.

– Повяжут их, вот тогда радешенек будешь, что с ними не пошел.

– Да кто их повяжет? Участковые, что ли? Так они дальше своего носа ничего не видят.

– Говорили, Путилин приезжал.

– Ну, от него подальше надо быть, он, как конь, землю роет.

– Ты сегодня куда? – спросил Гришка.

– К Машке поеду, раз деньги появились. Давненько у нее не был.

– Ладно, Васька, а я к себе.

И собеседники разошлись в разные стороны.

Миша подозвал агента, чтобы тот помог доставить в сыскное Ваську, который так и не успел сообразить, как оказался в коляске, зажатый между двумя незнакомцами.

– Э, полегче, – попытался вырваться, но вновь был усажен на скамью, а один из незнакомцев, тот, что помоложе, прошипел сквозь зубы:

– Еще раз дернешься, по шее получишь. Понял?

– Понял я, понял, – Васька так и просидел тихонько между незнакомцев, только все гадал, куда его везут, пока не проехали по Троицкому мосту. Только здесь он понял, что везут в сыскное отделение. Васька успокоился. За ним больших дел не числилось, а к Голдышеву злодеянию он отношения не имел.

Миша сошел с коляски первым.

– Прошу, – и на губах промелькнула улыбка.

Васька засопел, оглядевшись по сторонам, видимо хотел рвануть от сыскных агентов, но посмотрев на Жукова и прохаживающегося полицейского, решил не испытывать судьбу.

– Иван Дмитрий у себя? – Миша поинтересовался у дежурного чиновника.

– Да.

Миша тихонько подтолкнул в спину Ваську.

– Что стоишь? Поднимайся по лестнице.

У двери кабинета начальника сыска Жуков остановился и приказал сопровождающему агенту составить компанию Ваське, сам же постучал и сразу же вошел.

– Вот пока все сведения, – Миша рассказал о подслушанном разговоре и немного лукавил, ожидая добрых слов от Ивана Дмитриевича.

– Молодец, – Путилин иногда скупился на похвалы сотрудникам, но сегодня не сдержался, даже поднялся с кресла и начал прохаживаться по кабинету, потирая руки. – И где сей Василий?

– В коридоре.

– Похвально, Миша, что сразу его из огня да в полымя, веди. Погоди, – Иван Дмитриевич прикусил губу, словно что-то задумал, потом произнес: – Веди, это пустое.

Через минуту в кабинет вошел оробевший Васька, остановился в нерешительности на пороге, исподлобья осматривая сидевшего в кресле Путилина. Ноги его дрожали так, что подталкивающий сзади агент не мог сдвинуть с места задержанного.

– Проходи, – тихим спокойным голосом произнес Иван Дмитриевич, и на лице появилась такая добродушная улыбка, что казалось, к себе в гости зазвал давнего приятеля.

Васька набрался смелости и приблизился к столу, у которого застыл подобием кобры перед заклинателем змей.

– Василий, ну что столпом соляным стал? – добродушие так и струилось из уст Ивана Дмитриевича. – Присаживайся, у меня всего-то несколько вопросов.

– Я... – побледневший Васька набрался смелости и присел на краешек стула, в любую минуту готовый с него вскочить. – Я... – и умолк.

– Не хочу тебя мучить вопросами, – начал Путилин. – Ты, небось, меня знаешь?

– Еще бы, – Васька опять сглотнул скопившуюся слюну. – Кто ж в столице Путилина не знает.

– Тогда ты должен быть наслышан, что мне надо говорить исключительно правду.

Васька кивнул головой.

– Хорошо, тогда не буду вола за хвост крутить, где Петьку Голдыша найти, я знаю, за ним агенты уже поехали, а вот Кузьку Добрянского, по прозвищу Добрый, не сомневайся, найду, но хотелось бы побыстрее, ты ж знаешь, что в сыском деле не впрокорот, и не хочется отвлекаться на лишние поиски.

Кадык Васьки дернулся, правой рукой он почесал затылок.

– Иван Дмитрич, – зыркнул на начальника сыска, перебьет или нет, но Путилин привык к такому обращению со стороны преступников. Наоборот, это настраивало на доверительный лад, – сегодня он в ночлежном доме у Лавры.

– Это в Чернореченском?

– Там.

– И в котором часу он появится в ночлежном доме?

– Кто ж его знает? – Васька осекся, исподлобья посмотрел на Путилина. – Но обещался там быть после полуночи.

– Ладно, Василий, сегодня придется тебе в камере посидеть.

– Это мы понимаем, – обрадовался допрашиваемый и добавил: – У вас тут тепло да утром каша справная...

Глава одиннадцатая

В ночлежном доме

До Чернореченской хотя и было недалеко, но времени совсем не оставалось. Надо было подготовиться к визиту в столь опасное место.

Часы давно пробили полночь.

Можно упустить Кузьку Добрянского. Узнает об аресте Голдыша, а там ищи по России. Задержать Петьку Иван Дмитриевич решил с утра, тем более что тот ни сном ни духом не ведал о скопившихся над головою тучах.

Путилин поднялся из-за стола, подошел к шкапу и распахнул дверцы. На одной створке изнутри было вставлено большое зеркало, на крючках, прибитых к задней стенке, висело чистое, но заношенное с заплатками одеяние. Иван Дмитриевич посмотрел в зеркало, повернув голову сначала вправо, потом влево.

– Хорош, – пробубнел он и скривился. – Кистеня только не хватает.

Переодевание заняло немного времени, дольше возился с бородой и париком, чтобы, не дай бог, в неподходящий момент не съехали в сторону или, того хуже, не оказались на полу.

Осмотрел себя с головы до пят. «Ничего... В темноте, а тем паче при свете лучины или свечи меня не опознать».

На звонок явился дежурный чиновник с красными от бессонницы глазами, дежуривший третью ночь, напросился у начальника. Сна, видишь ли, лишился и теперь мается. На Ивана Дмитриевича посмотрел без удивления, привык к перевоплощениям за время службы.

– Жуков здесь?

– Чаи гоняет.

– Позови-ка его ко мне.

Чиновник вышел, тихонько затворив за собою дверь. Миша же зашел, как всегда, без стука.

– Иван Дмитрич, звали? Путилин почесал ухо.

– Да, Миша, – с огорчением произнес начальник сыска. – С тобой соваться в ночлежный дом не просто опасно, а прямо-таки преступно.

– Иван Дмитрич, – обиженно засопел Жуков. – Переодеюсь, так вы меня не узнаете.

– Нет, Миша, – решительным голосом оборвал помощника Путилин, – зови Ваську, придется его с собой брать.

– Но...

– Миша, – прикрикнул начальник сыскной полиции и совсем тихо продолжил: – Василия приведи и побыстрее, времени остается все меньше.

Жуков вылетел из кабинета, он так и не понял по поводу времени, но не стал изводить начальника вопросами.

В камере пришлось будить Ваську, который развалился на тонком матрасе и оглашал богатырским храпом не только место своего ночлега, но и прилегающий коридор.

– А? Что? – глаза задержанный.

– Пошли, – кивнул головой Жуков, – Иван Дмитрия зовет.

– Ну вот, – тяжело вздохнул. – Я ж все рассказал.

– Ступай.

Увидев в кабинете стоящего у окна какого-то босяка в рваной одежде с окладистой, наполовину седой бородой и космами нечесаных волос на голове, Васька по-хозяйски прошел к столу и опустил на обитый синим бархатом стул. Закинул ногу на ногу и, небрежно посмотрев через плечо на Мишу, произнес:

– Ну и где Иван Дмитрич? Я чаю горячего хочу и спать.

Жуков с усмешкой во взоре смотрел на начальника.

– Василий, внимательности у тебя нет, – Путилин заложил большие пальцы рук за веревку на поясе, заменявшую ремень.

– Я... – только и сумел выдавить из себя задержанный, узнав голос Ивана Дмитриевича. Рот приоткрылся в изумлении.

– Я это, – проговорил начальник сыскной полиции. – А...

– Сегодня, видно, придется, Василий, нам остаться без сна.

Задержанный сделал руками в воздухе несколько движений и замер, не закрывая рта.

– Вижу, Василий, твои сапоги прохудились, деньги имеешь, а обувь купить не соизволишь.

– Да я...

– Именно ты. Мы, кажется, размером схожи, – Иван Дмитриевич достал из шкапа новые сапоги, – надевай, – и, не дав ничего сказать задержанному, добавил: – Надевай. Нам сегодня одно дело предстоит, и я не хочу, чтоб ты приболел после него.

Василий повиновался явно с удовольствием, поднялся и сделал несколько шагов по кабинету.

– Не жмут?

– В самую пору, – заулыбался задержанный.

– Пальтишко смени, – и Путилин протянул верхнюю одежду из заветного шкапа, – великовато, но ничего, зато без заплаток. А теперь поговорим, как мужики.

– Всегда готов, – глаза Василия блеснули, и он стыдливо добавил: – Это мне?

– Тебе, считай мой подарок.

– Благодарствую, Иван Дмитрич, – руки гладили лацканы пальто. – Как я понимаю, нам с вами придется на Чернореченскую?

– Быстро схватываешь.

– Господин Путилин, я...

– Василий, я ж понимаю, что среди тех людей тебе жить, ты только здороваешься: «Здравствуй, Кузьма», и все, можешь быть спокоен, что кто-то тебя заподозрит.

– Как Иуда...

– Василий, ты благодари Бога, что отвел тебя от вчерашней крови. Не то сидел бы в ожидании суда.

– Знак свыше, – задержанный перекрестился.

– Договорились?

– Что мне остается, – посетовал Василий, – только вот оставили вы меня, Иван Дмитрич, без пайки утренней, – и посмотрел на начальника сыска карими глазами.

– Не забыл я, – Путилин протянул задержанному зеленую банкноту.

– Благодарствую, Иван Дмитрич, спаситель вы мой.

* * *

Доехали до опустевшей Зимней Торговой площади. Дальше Путилин с Васькой по Тележной улице пошли пешком, чтобы, не дай бог, кто не заметил из знакомцев. В ночлежном доме опасно было арестовывать Добрянского, там много босяков, которые на дух не переносили людей в полицейской форме.

Двери ночлежного дома открывались в восемь часов, и до полуночи он заполнялся настолько, что некоторым припозднившимся приходилось спать на полу, но один из углов всегда был свободен, и там отдыхали, вернее, отсиживались после совершенных налетов, краж или иных более тяжких злодеяний некоторые злоумышленники. Иван Дмитриевич об этом знал,

сколько раз совершались облавы, и все впустую. То ли кто-то из участка предупреждал, то ли выставляли злодеи на стрему мальчишку, который за гривенник всю ночь на страже стоял.

Вот и сейчас Путилин, хоть и шел с виду спокойным, а на душе кошки скребли. Не за себя, а за Ваську. Себя он перестал жалеть четыре года тому, когда из-за измены ушла жена с детьми. Тогда так тоскливо стало на душе, что стал сутками пропадать на службе и старался сам идти туда, где более всего опасности. В том, что его никто не узнает, он был уверен. Не в первый раз лез в такое место. Ведь не посылать же в осиное гнездо Мишу. Слишком молод и горяч. Голова, конечно, на месте, но вот иногда вначале сделает, а уж потом голову прилагает. Учишь-учишь, толк есть, но прорывается взрывная натура. Вот кто всегда с холодной головой, так штабс-капитан Орлов. Умница, хотя...

– Че надо? – раздался голос над ухом, до входа в ночлежный дом оставалось несколько шагов.

– Дык холодно на улице, – заискивающим тоном произнес Путилин, за его спиной стоял Васька.

– Местов нет.

– Нам бы с приятелем хоть под нарами, хоть в проходе.

– А деньги есть?

– Эт мы приготовили, – и Иван Дмитриевич достал из кармана шесть монет по копейке.

– Тады сами ищите себе место, – человек неопределенно махнул рукой. – Шоб я вас тут не видел.

Путилин со спутником быстрым шагом вошли в дом. В носу защипало от тяжелого запаха немых тел, дыма от дешевого табака, прокисшей пищи.

– Там, – Васька тронул Путилина за рукав и повел на второй этаж, где тяжелый дух, казалось, посвежел, и дышать стало легче. – Иван Дмитрич, – прошептал попутчик, – платить не надо было бы, я ж заветное слово знаю.

– Не светись, – только и произнес Путилин, пока не пришли в заветный угол.

Добрянского не было.

Путникам оставалось только одно, лечь на скрипучие доски нар, покрытые таким тонким матрасом, что ребра чувствовали каждую дощечку.

Ожидание не добавляло радости, Васька один раз поднимался и уходил. У Ивана Дмитриевича начинало стучать, как кузнец по наковальне, сердце. Вдруг Васька предупредит преступников, тогда от начальника сысской полиции ничего не останется. Рядом Нева, камень на ноги и на корм ракам и рыбам.

Путилин прислушивался к каждому звуку, сжимая ставшую теплой рукоять пистолета.

Спокойствие начало покидать Путилина, хотелось, чтобы начавшееся несколько часов назад в кабинете наконец закончилось.

Прошел час, прежде чем раздались тяжелые шаги. Со своего места в свете лампадки, висящей у образа Спасителя, Путилин видел, как возле двухъярусных нар остановился мужчина с круглым скуластым лицом, пересеченным под носом пышными усами. Глаз Иван Дмитриевич пришедшего не видел, но чувствовал, как они цепко осматривают окружающее. Васька не подвел.

– Кузя, ты? Что так поздно?

– А что?

– Топаешь, как медведь на овчарне, спать не даешь.

– Молчи, – беззлобно прошипел Добрянский. – Хотел бы спать, так без задних ног дрых бы.

Васька присел на нарах, почесал под рубашкой, одолели блохи своей настойчивостью.

Голос Добрянского Путилину не понравился, от такого можно ожидать больших неприятностей. Теперь возникал вопрос, ранее начальник сысской полиции хотел вывести Кузьму

из ночлежного дома. Там, на улице, Жуков с двумя опытными агентами. Но как это сделать? Иван Дмитриевич придумать не мог, заготовленные в кабинете слова сейчас не подходили.

Добрянский продолжал стоять, только тени беспокойно бегали по его ладно скроенной фигуре, потом чертыхнулся и пошел к выходу. Путилин не стал терять времени, поднялся с нар и последовал вслед за Кузьмой, который заложил руки в карманы начал спускаться по лестнице, бесцеремонно наступая на оставшихся без места бродяжек.

У входа никого не было. Тот, что собирал деньги, спал на крыльце в полушубке, зарывшись в высокий воротник. Сердце у Путилина забилося быстрее, что начало отдавать в висках. Кузьма обернулся и впился цепким взглядом в вышедшего следом бородатого мужчину, немного ссутулившись, словно на спине лежит тяжелый куль.

– Что надо? – произнес Добрянский, оскалив зубы.

– Дух там тяжелый, – Иван Дмитриевич махнул рукой куда-то в сторону. – Не привычный я к нему.

– Что тогда сюда пришел?

– Так, ить. Отставку-то барин дал.

– Не нужен, стало быть, стал?

– Оно так.

– И долго у барина служил?

– Да почитай целый год ему товары возил.

– Товары?

– Из порта на склад.

– И что ж тебя выставил?

– Дак барин за границу укатил, дома свои закрыл. Нас на улицу.

– Что, и сторожей не оставил? – видно было, как загорелись глаза Кузьмы.

– То-то и оно, Федьку-хромого одного оставил. А какой с него сторож? – ощерил зубы Путилин.

– Любопытно, – в задумчивости сказал Добрянский. – А ты хозяйский дом хорошо знаешь?

– Очень даже дюже, – Иван Дмитриевич погладил бороду, Добрянского заинтересовали слова случайного знакомого.

– Соблазна не было?

– Мил человек, да кабы... – Путилин умолк.

– Не бойся, со мной можно по-простому, – Кузьма ступил вперед и шепотом произнес: – Я и сам из таких.

– Тады тебя мне сам Господь послал, – тихо в ответ с радостью в голосе сказал начальник сыска.

– Может, сегодня того...

– А ты... – Путилин осекся и через некоторое время добавил: – А что? Сегодня Федька пьян.

– Вот-вот, потом случая не представится.

– Едем, – уверенно кинул Путилин.

На Тележной взяли единственную на улице коляску.

– Куды? – обернулся возница.

– Поезжай по Невскому, – похлопал по его спине Путилин. – Я скажу, где повернуть.

Ехали молча, только после Полицейского моста Иван Дмитриевич произнес:

– На Морскую.

– Там же... – Добрянский замолчал, чувствуя, как в правый бок уперлось дуло пистолета.

– Да, Кузьма, там сыскное, и сиди смирненько, боюсь в тебе лишнюю дырку сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.